

«Казак-разбойники»

Ирина Енц

Ирина Юльевна Енц

«Казачи-разбойники»

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=70357846

SelfPub; 2024

Аннотация

Приехавшая в деревню на похороны к деду Полина и не догадывалась, чем может закончиться ее поездка. В первую же ночь после похорон к ней и ее подруге Вальке заявилося... босое привидение девушки и потребовало, чтобы Полина нашла ее туфельку. Старая усадьба, в которой маленькая Полина в детстве увидела убийцу, пытающегося избавиться от трупа своей жертвы, «случайная» гибель родителей, тайные подземные ходы на кладбище, переплетение старых легенд и страшных событий настоящего – все сплелось в один узел. И девушкам с риском для жизни предстоит этот узел распутать.

Содержание

Пролог	4
Глава 1	10
Глава 2	26
Глава 3	48
Глава 4	73
Глава 5	86
Глава 6	105
Конец ознакомительного фрагмента.	108

Ирина Енц

"Казачи-разбойники"

Пролог

На чердаке было сумрачно, пыльно и тихо. Сквозь щели в старой крыше пробивались тоненькие лучи солнца, в которых причудливо танцевали пылинки. С улицы доносились звонкие детские голоса. Кажется, меня потеряли. «Казачи-разбойники» – это не просто какие-то вам догонялки-пряталки, которые только для малышни. В двенадцать лет ты сам себе уже кажешься невозможно взрослым и дерзким. И игры уже «взрослые», как например «казачи-разбойники», где «казачи» ищут тебя, а если найдут, то начнут «пытать», чтобы узнать, где ваша «разбойничья» база, в которой спрятаны награбленные «сокровища».

В этот старый, давно заброшенный особняк никто не совался. Говорили, что здесь водятся привидения, потому что, когда-то, очень давно, может сто, а может двести лет назад, здесь убили молодую и прекрасную (конечно, прекрасную и молодую, а какую же еще!) девушку. Кто-то утверждал, что она сама покончила жизнь самоубийством из-за несчастной любви. Основными носителями этой версии в нашей дружной компании были, конечно же, девчонки во главе с мо-

ей подружкой Валькой. Я не поддерживала ее версию, и на этой почве мы с ней иногда ссорились, так, не взаправду, понарошку. Потому что, ссориться из-за подобных глупостей нельзя, если вы настоящие друзья. В общем, слухи ходили разные и всякие. Причем, сложность развития сюжета зависела от возрастной категории. Например, бабка Клава, соседка моего деда страшным свистящим шепотом рассказывала своим соседкам, сидя на скамейке возле своего палисадника, что девица эта была дочкой барина, который жил в этом поместье, и ее насильно хотели выдать замуж за нелюбимого, отчего она и удавилась, грех на душу взяла. Что такое «грех», и как это «удавилась» мы с Валькой не очень хорошо понимали. А спросить у деда я боялась. Тогда пришлось бы сознаться, что мы с подружкой, притаившись в чужом палисаднике под огромным кустом цветущих ярко-лимонных георгин, подслушивали. А за такое дедуня мог и выпороть. Так что, оставалось только гадать и самим фантазировать. В любом случае, дом этот считался местом странным и нехорошим. И все, и взрослые, и дети, старались обходить его стороной, особенно, по ночам. Но сейчас-то был белый день, а как известно, привидения днем не появляются. Именно поэтому, я забралась на чердак, в надежде, что меня тут никто не найдет. И потом, я считала себя уже достаточно взрослой и серьезной, чтобы не бояться и не верить в подобные страшилки. Хотя, какой-то червячок зарождающейся настороженности и копошился у меня в глубине души, но я стара-

лась на него не обращать внимания. Вот еще!! Мне не семь, и даже не девять, а уже целых двенадцать лет. А взрослые в подобную чепуху не верят!

Судя по крикам, раздававшимся с улицы, меня и вправду потеряли. Вот и славно! Я возглавляла «банду разбойников», а всем известно, что именно атаман и хранит тайну спрятанного клада. А пока клад не найден, игра продолжается!

Шли последние дни лета. Стояла жаркая душная погода. Дед говорил, что такая духота обычно бывает перед грозой. На прогретом солнцем чердаке было жарко, но я терпела. Игра есть игра. Если не можешь – не берись, а уж коли взялся – терпи. Так говорил дед Иван. Крики на улице стали отдаляться. И возбуждение, вызванное погоней, несколько улеглось. Я, наконец, стала осматриваться по сторонам. Чего тут только не было! И кипы старых газет, связанных аккуратно бечевкой, и какие-то древние, покрытые толстым слоем пыли сундуки, ящики и коробки. Вот бы заглянуть туда!! Наверняка, там найдется масса интересных вещей! Выбираться отсюда было еще рано. Голоса ребят еще были слышны, и я, усевшись поудобнее в своем убежище, приготовилась ждать.

Наверное, я задремала. Потому что, когда вновь открыла глаза, вокруг царил сумрак и тишина. В чердачное окошко было видно темнеющее вечернее небо, и наползающие фиолетовые тучи, подсвеченные снизу алыми всполохами заходящего солнца. Нужно выбираться отсюда. Меня, наверное, уже все потеряли. Даже сама себе я бы ни за что не призна-

лась, что мне ужасно не хотелось больше оставаться в этом доме в наступающих сумерках. Только я стала выбираться из-за своего укрытия, как из люка, ведущего вниз раздался скрип старой лестницы. Кто-то поднимался наверх. Я, закусила губу, то ли от страха, то ли от досады, что меня все же обнаружили. Неприятный холодок пробежал по спине. Опять забившись в щель между деревянной стойкой, подпирающей крышу и старым, облезлым сундуком, я сжала пальцы в кулаки, борясь с подступающей дрожью. Шаги были тяжелыми, осторожными. И я принялась про себя повторять, что привидения не могут так шагать. Они же должны быть бесплотными! По крайней мере, так утверждала бабка Клава.

Из люка показалась чья-то голова. С некоторым облегчением я выдохнула. Это точно не было привидением. Но радоваться пока не торопилась. Неизвестный человек – тоже не очень хорошо. Света было еще достаточно, чтобы понять, что это был мужчина. Правда, разглядеть его как следует не удавалось, так как он стоял ко мне спиной. Но короткая стрижка и широкие плечи, явно выказывали его принадлежность к сильному полу. На его плече лежал какой-то огромный тюк. Неужели здесь кто-то еще что-то прячет?! Любопытство преодолело страх, который заставлял мое сердце биться, словно у зайчонка, спрятавшегося под кустом от охотящейся за ним лисицы. Он быстро огляделся, а я перестала на мгновение дышать, борясь с собой, чтобы не заорать. Но

он меня не заметил. По углам чердака уже собирался ночной мрак. Мужчина наклонился и положил свою ношу на пол. С облегчением выдохнул, и что-то пробурчал себе под нос. Слов разобрать я не могла. Подошел к старому большому, сколоченному из деревянных досок ящику, и стал выкидывать из него какой-то хлам. Я, немного отдышавшись, выглянула прикидывая, как бы мне выскользнуть из своего угла незаметной мышкой, и проскочить в люк, который был за его спиной. От места, где я спряталась, спасительный выход находился всего в каких-нибудь пяти метрах, перебежать незаметно, пока человек так увлечен своим делом ничего не стоило. Но при этом, меня продолжало разбирать любопытство, что же за тюк он приволок на чердак этого старого заброшенного дома. Это был какой-то старый ковер, а может и просто большое одеяло. Я рассматривала его внимательно, пока мой взгляд не остановился на паре ног, торчавших с краю этого невнятного тюка. Одна нога была босая, а на второй я увидела черную туфельку-лодочку с кокетливым белым бантиком в мелкий черный горох. И вот тут мне сделалось совсем нехорошо. Зажимая рот ладошками, я, полусогнувшись мелкими шажками рванула к открытому люку, наплевав на всякую конспирацию. Мужчина резко оглянулся, и я замерла на месте под его взглядом. Мы смотрели друг другу прямо глаза в глаза. И я почувствовала себя кроликом, сидящим перед удавом. Застыла, выпрямившись столбиком, не в силах отвести взгляд от его черных, похожих на провал старого ко-

лодца глаз. От них исходил морозящий душу холод, который словно приморозил меня к месту. Я не могла пошевелиться, будто и впрямь, превратившись в кусок льда. Не знаю, сколько длилось это мгновение, но мне показалось, что я уже полжизни стою на этом проклятом чердаке. На его лице появилась ядовитая усмешка, от которой у меня что-то булькнуло в горле, и он сделал один короткий шаг в мою сторону. Это его, почти неуловимое движение, словно невидимая спусковая кнопка, «разморозила» меня. И тут, все долго сдерживаемое мое напряжение, наконец, прорвалось в захлебывающийся дикий вопль. В несколько прыжков я допрыгнула до люка в полу и скатилась по лестнице кубарем, умудрившись при этом не переломать себе кости. Я летела, словно вихрь, не разбирая дороги, и только слышала позади себя хриплое дыхание догоняющего меня человека, да звук тяжелых мужских шагов.

Глава 1

Стол накрыли скромный. Дед Иван не любил пышные пиршества. Пришли соседи. Бабку Клаву, почти ослепшую, опирающуюся на изогнутую деревянную клюку привела ее дочь, тетя Наташа. Пышных речей не говорили. Старики скорбно вздыхали, старушки вытирали уголками платочков выступающие слезы. А я чувствовала себя сиротой, какой, по сути, и стала. Оглядела с тоской старый дом. Ходики на стене, кот Васька, обычной «дворовой» масти, называемой в простонародье «бусенький», испугано поглядывал из-за печки. Домотканые половички, чистенькие шторы на окнах, вышитые еще моей бабулей в молодые годы, старый расписанный розами, облезлыми от возраста, сундук, сверху прикрытый круглым половичком. Все, что мне в детстве казалось таким загадочным, таким таинственным и прекрасным, сейчас словно полиняло, поблекло. Как будто приехавший передвижной цирк свернул свои гирлянды, флажки и шары, после окончания представления, превратившись в серенький и, полинявший от частых дождей, хлам.

На меня навалилась такая тоска, что хоть волком вой. Валентина, моя давняя подруга, несколько суетливо разлила водку по стопкам, и торопливо провозгласила:

— Ну что, еще раз за помин души... Пусть земля деду Ивану будет пухом... — Шумно выдохнула и опрокинула стопку

целиком в рот. Сморщилась, и схватив корочку хлеба, занюхала, не закусывая.

Видимо, своей короткой речью она хотела дать понять собравшимся, что пора, мол, и честь знать. Народ, отследив взглядами весь процесс от наливания, до занюхивания корочкой, потянулся за своими стопками, с невнятными бормотаниями, на тему «земля пухом». Бабка Клава намахнула стопку без слов, затем, сгребла своей куриной, высохшей от старости лапкой очередной блин, макнула его в густую сметану и принялась его шамкать беззубым ртом. Наталья, ее дочь, только неодобрительно головой покачала, но возражать или делать замечания на людях не стала. Прожевав блин, бабка не успокоилась, и потянулась за вторым, при этом с любопытством принялась меня расспрашивать:

– Полинка, а ты, чай, дом-то теперь продашь? Поди, обратно в Рязань умотаешь? – И не дожидаясь от меня ответа, пробурчала недовольно. – Вам теперь все города подавай... А про корни свои-то и не помните вовсе. Оторвались вы от корней своих! Эх... Молодежь, молодежь... – И потом, сразу без перехода, глянув на меня остро так, что я уже сомневаться начала в ее плохом зрении. – А дед-то твой в жизни толк знал. Хоть и суровенек был, а понимал, что к чему... – И она опять повторила манипуляцию с блином, не дожидаясь от меня ответа.

А я сидела за столом, глядя в одну точку перед собой. За всю свою жизнь я не помнила, чтобы дед когда-либо бо-

лел или на что-то жаловался. Он всегда был крепок. На замечания соседских старух о «слишком долгом веке» всегда отшучивался, со смешком отвечая, что из вредности переживает их всех. Девяносто два года, это вам не хухры-мухры. Три войны прошел, ранения имел, ордена, как иконостас, а скромн был. О подвигах своих не хвастался. На мои детские недоуменные вопросы всегда отвечал, что выполнял свой долг, как и положено мужчине, и не видит в этом чего-то необычного. Ведь не считает же женщина подвигом стирку, уборку, воспитание детей. Подобный подход меня всегда несколько обескураживал, но в споры с дедом я не вступала, мотая на ус, как и положено, его житейскую простую и безыскусную мудрость. Дрова рубил, раздевшись на морозе до пояса, колодезной водой обливался на рассвете. А тут, он просто вечером уснул, а на утро уже не проснулся. Смерть деда потрясла меня до глубины души. После гибели родителей, он оставался единственным родным мне человеком в этом мире. И, разумеется, я винила себя, за то, что не была с ним рядом в это время. Врачи меня уверяли, что это бы ничего не изменило. У него в один момент просто остановилось сердце. И мое присутствие вряд ли бы что-то изменило.

Когда мне сообщили о его смерти, позвонив на работу, я сгоряча решила, что избавлюсь от этого дома, и уеду из этих краев навсегда, и никогда больше не вернусь в эти места. Работа в Рязанском горзеленстрое меня вполне устраивала, у

меня была квартира, мои друзья, и в общем-то, своя привычная жизнь. То приключение, произошедшее со мной много лет назад в старой усадьбе, уже почти забылось. И только еще изредка во снах, топот тяжелых шагов за моей спиной заставлял вскакивать меня с постели в холодном поту.

Помню, тогда, дед сразу кинулся в милицию. Они выслали наряд, но, разумеется, ничего и никого на чердаке не обнаружили. Посоветовали деду рассказывать поменьше всяких страшилок детям и с тем удалились. Но дед был мудр, он знал меня очень хорошо, и видел, в каком состоянии я тогда принеслась домой. Он поверил моему сбивчивому рассказу сразу и безоговорочно. И, от греха подальше, сразу же отправил меня обратно в город. То событие постепенно стерлось у меня из памяти. Детям вообще свойственно очень быстро забывать плохие вещи. Но однажды, когда мы с мамой отправились в обувной магазин, чтобы купить мне к школе новые туфли, я устроила истерику при виде черных «лодочек» с белым бантом в мелкий черный горох.

Прошло много времени с той поры, но изредка я мысленно возвращалась в заброшенный дом, пытаюсь понять, что же я тогда увидела на самом деле.

Валентина тронула меня за плечо, и я словно очнулась. Вздвогнув, огляделась вокруг. Все гости уже ушли. И умница-Валька, даже со стола уже успела убрать и вскипятить чайник. Налив себе и мне по большой кружке чая, она уселась напротив меня и, не прибегая ни к какой особой дипло-

матии спросила:

– Ну...? И что ты собираешься дальше делать? Продашь дом и уедешь обратно в свой город?

Отхлебнув маленький глоток из своей кружки, я непроизвольно сморщилась. Чай был очень горячим и очень крепким. Посмотрела на подругу с усмешкой.

– У тебя есть какие-то другие идеи?

Валька попыталась скорчить равнодушную мину, но у нее это не очень хорошо получилось. Она еще с детства не умела врать. Вообще-то, она была неисправимой оптимисткой, хохотушкой и очень светлым человеком. Из нескладной пухляшки-девчонки она выросла в настоящую красавицу. Темно-русые волосы заплетены в простую косу, зеленые, какие-то даже аквамариновые глаза под черными бровями всегда искрились неудержимой радостью. Хотя, спроси ее, чему она радуется, вряд ли ответит. Довольно стройная, с красивой точеной фигурой. Ох, наверное, при такой-то внешности у нее нет отбоя от парней! Закончив медицинское училище, она, не раздумывая, вернулась обратно в родную деревню, где и работала фельдшером по сей день, нисколько не печалась ни о высшем образовании, ни о карьере. Она сосредоточенно наморщила лоб, словно решая какую-то непосильную задачу. А потом, неохотно призналась:

– Да нет... Особых идей нет... Но... Я тут подумала... А почему бы тебе не остаться тут? – Она заглянула мне в глаза с выражением, с которым наш кот Васька, налопавшись сме-

таны, смотрит на кусок сырого мяса. А вдруг счастье есть? А подруга продолжила уже более решительно. – Жилье у тебя есть, работу с твоей специальностью ты здесь быстро найдешь. Да чего там! Тебя в заповеднике с руками и ногами... Не говоря уже про голову. Тут вон воздух какой, а? А просторы какие!!! На берег реки выйдешь, там ни конца ни края не видать! – Начала она мне взхлеб расписывать местные красоты, постепенно вдохновляясь все больше и больше.

Я сидела слушала ее с усмешкой. Наконец, она заметила мою улыбку, и, прервав поток своих излияний, сердито заметила:

– Ну и чего ты лыбишься?! Тут сам Паустовский не гнушался жить и творить. А нам это что, не по рангу, да? Ну скажи ты вот мне честно, что там такого в твоём городе, от чего бы душа могла ликовать и петь, а? Ну подумаешь, Рязанский кремль! Так я тебе скажу, что наша церквушка на берегу Пры¹ постарше вашего кремля будет!

Как ни странно, но ее пламенные воззвания произвели на меня впечатление. Безусловно, не то, как она расписывала тут передо мной красоты здешних мест. Я и без нее знала, что край этот неповторим в своем роде, как неповторимым может быть только природа в своем многообразии. Возможно, впервые в жизни, я задумалась над ее вопросом, что такого есть в городе, от чего моя душа могла бы ликовать и петь? Получалось, что ничего такого там нет и в помине. Увидев,

---

¹ Пра – река, приток Оки

как я задумалась, подруга воодушевилась, и продолжила расписывать мне перспективы моей жизни здесь, в дедовском доме. Я слушала ее излияния вполуха, а сама думала, что не смогу я продать этот старый дедовский дом, не смогу, и все тут! У меня рука не поднимется просто! Это было бы равносильно тому, как если бы я захотела выкинуть значительную часть своей жизни из собственной памяти! А еще, этот дом – единственное место, где будет вечно жить дух моего деда. Когда-то он срубил его своими руками, и прожил в нем всю свою жизнь. А значит, здесь я буду всегда чувствовать его заботу и любовь.

Разумеется, делиться своими мыслями с Валюхой я не стала, а то еще чего начнет от радости прыгать. А у нас все же поминки, а не праздник какой. Подруга, заметив мое решительное выражение лица, сразу примолкла, и стала настороженно поглядывать на меня. Не дождавшись никакого намека на мое окончательное решение, она, не выдержав, произнесла:

– Ну...? И чего ты решила? Не томи, подруга. Ведь сил уже никаких нет!

Я ответила весьма уклончиво:

– Не торопи... Поживем- увидим... Утро вечера мудренее... Тебе еще пару-тройку пословиц накидать? Я могу. Не торопи меня. Сама понимаешь, такие вещи с кондачка не решаются. Вот, отведем деду девять дней, а там и увидим.

Валька чуть с досады не плюнула. Покосилась на портрет

моего деда, с черным обводом по краю, на стопку водки рядом, прикрытую кусочком черного ржаного хлеба, вздохнула тяжело, и проворчала:

– Ну, давай, что ли, еще за помин души Ивана Евграфовича выпьем. Светлой души был человек. Хотя и доставалось нам от него по голым ляшкам крапивой. Но, – Валька с умным видом подняла вверх указательный палец, – Он думал о нашем благе. Без строгости таких как мы держать было нельзя.

Ночевать Валентина вызвалась у меня, чему я была только рада. Мы просидели с ней за столом, чуть ли не до середины ночи. Вспоминали деда, наше детство, рассказывали друг другу о своей взрослой жизни. И даже тихонечко спели на два голоса любимую дедову песню «По Дону гуляет казак молодой». Песня как-то сама собой родилась. Затянув первые строки, Валька с испугом сначала глянула на фото деда, а потом на меня. Я поспешила ее успокоить:

– Не волнуйся, деду бы понравилось...

И мы продолжили выводить неспеша напев о плачущей деве. Наконец, утомленные переживаниями и эмоциями этого дня, разбрелись по комнатам. Едва моя голова коснулась подушки, как я тут же уснула. Проснулась, когда за окном было еще темно, а рядом с кроватью сидел Васька и орал диким голосом. Не разобравшись спросонья в чем дело, я попробовала швырнуть в него тапком. Кот ловко увернулся, и запрыгнув на стул, стал снова мяукать. Голос у него был ка-

кой-то перепуганный. Спустив ноги с кровати, я хмуро буркнула:

– Ты чего, лохматый?! На улицу, что ли хочешь?

Кот замолчал. Сидел на стуле и мерцал на меня своими глазищами, словно пытаясь что-то сказать. Кошачьих мыслей я читать не умела, поэтому, покачав головой, проговорила:

– Ну пойдем что ли, выпущу, раз уж разбудил...

Васька со стула даже не дернулся. Сидел и смотрел на меня, будто пытаясь о чем-то предупредить. Терпение и так никогда не было особо сильной моей стороной, а вот так, посреди ночи, проснувшись под кошачий рев... В общем, не очень ласково я прошипела:

– Ах ты, скотинка вредная! Сам разбудил, а теперь и идти не хочешь? Вот погляди ж у меня!! Выставляю в следующий раз на ночь на улицу – и рука не дрогнет. И не посмотрю, что ты тут местный старожил и всеобщий любимец!

Нашарила ногой второй тапок, обула его, и решила, уж коли я встала, сходить водички хлебнуть. По дороге подцепила другой тапок, и, бурча под нос нелицеприятные для кота выражения, пошлепала в кухню. Васька прыгнул со стула и забежал впереди меня, словно, не хотел пропускать. При этом, он продолжил истошно орать, словно я ему не только хвост отдала, но и все четыре лапы в придачу. Я стала его обходить, опасаясь и вправду отдалить кошачьи конечности, и тут увидела... Посреди кухни стояла молодая женщи-

на. Черты лица я ее рассмотреть, как следует не могла, они как-то расплывались, но понятно было, что это очень молодая женщина. Две косы, до половины расплетенные, разместились по ее плечам. Одета она была в простенькое платье, чуть ниже колена с рукавами-крылышками. Одна нога у нее была босая, а вторая обута в туфельку-лодочку с белым бантом в мелкий черный горох. Вся ее фигура была несколько прозрачной, и мерцала, словно лампочка, которой не хватало энергии. Я замерла в дверях, будто меня приморозило. Мне даже показалось, что у меня изо рта вырывается при дыхании парок. Кот проскочил впереди меня, вздыбил шерсть, выгнул спину дугой и яростно зашипел на ночную «гостью». Не обращая внимания на кота, женщина наклонила немного набок голову, словно рассматривая меня. Внутренности все скрутило в ледяной ком, а горло сдавил спазм. И я не то, чтобы закричать, прошептать ничего не могла. Она постояла так немного, словно оценивая меня, а потом произнесла тихо-тихо, едва слышно, будто и не голос вовсе, а сухие листья прошуршали:

– Ты не видела мою вторую туфельку? Нигде не могу ее найти... – Потом посмотрела на свою босую ногу, и тяжело вздохнула. – Жалко... Туфли-то дареные... – А потом, снова, глядя на меня. – Ты поищи, поищи... Найди мою туфельку...

И тут мой кот кинулся на прищелицу с громким истошным мяуканьем, с вздыбленной шерстью, словно дикий

зверь, обороняющий своих детенышей от врагов. Фигура женщины стала таять на глазах, пока от нее не осталось и следа, а в комнате прошуршало, словно ветерок прошелестел:

– Ты поищи, поищи туфельку-то...

Конечно, нужно бы заорать, в такой-то ситуации. Но, во-первых, за меня это сделал кот, а выступать с ним дуэтом было бы глупо, а во-вторых, я помнила наказ деда Ивана. Он говорил, что в любой ситуации нельзя терять самообладания. Не могу сказать, что я его, это самое самообладание потеряла. Для того, чтобы что-то потерять, нужно это сначала найти. А у меня на подобные поиски сейчас сил не было. Я медленно сползла по стеночке и уселась прямо на пол. Ноги не держали меня, все внутри тряслось мелкой трясучкой. А Васька сидел в центре комнаты, и как ни в чем не бывало, намывал свою мордочку.

Его громкие вопли разбудили Вальку. Она выползла заспанная из комнаты с ворчанием:

– Ты, противная скотинка, я из тебя варежки сошью! Чего орешь посреди ночи, словно тебя тут режут...?

Она хотела еще что-то прибавить, но тут увидела меня, сидящей на полу. Сонливость с нее вмиг слетела, и подруга кинулась ко мне испуганно причитая:

– Полинка, что случилось?! Тебе с сердцем плохо? – Она схватила меня за руку, пытаясь нащупать пульс. Медик, он в любой ситуации – медик. Я пыталась вяло от нее отбиваться. Но подруга крепко вцепилась в мою руку. Глаза ее расши-

рились от испуга, и она прошептала свистящим голосом: – Польшка, у тебя пульса нет... – И тут же кинулась к ведру с водой, на ходу причитая. – Потерпи, я сейчас... Вот, водички... Таблетки-то какие есть? – И сама тут же ответила на свой вопрос. – Да откуда бы им тут взяться! Дед Иван, Царствие ему небесное, таблеток-то сроду никаких не держал, даже валидола не было... Ох ты, Господи...

Я жадно выпила целую кружку воды, заботливо принесенную мне подругой. И, наконец, обрела голос. Правда, донести внятно свою мысль с первого раза не получилось. Я пробормотала, выдохнув, словно пила не воду, а чистый медицинский спирт:

– Привидение... Туфлю, говорит мою ищи...

Валька смотрела на меня перепуганными глазами, сложив по-детски ладошки у груди и приговаривала:

– Бред начался... да что же это такое?? Ты погоди, я сейчас за сумкой своей сбегаю домой... Погоди...

Она заметалась по дому, будто кошка на пожаре, сама похожая на привидение. Ночная сорочка за ней развевалась пузырем, растрепанные космы ниже плеч полоскались победным знаменем у нее за спиной, и при этом, она без конца повторяла:

– Погоди, миленькая, я сейчас, я быстро...

Я попыталась ее урезонить:

– Валька, да погоди ты!!! Нормально все у меня с сердцем... Слышишь... – Но она не слышала, продолжая бегать

по дому, одновременно пытаюсь натянуть поверх рубашки платье, и ногой нашарить свои туфли. Рука никак не могла пролезть в рукав, и она принялась нецензурно выражаться. Я кое-как поднялась на ноги и доползла до скамьи возле стола, уселась на нее, и наконец выдохнула с некоторым облегчением. Увидев, что я уже сижу, подруга отбросила в сторону платье, так и не сумев его натянуть, и опять кинулась ко мне.

– Тебе сейчас нельзя двигаться...

И тут я уже рывкнула.

– Да угомонись, ты, неумная!!! Со мной все хорошо!!!

Мой рык произвел на нее впечатление, и она встала столбом, с недоумением глядя на меня. А я, чтобы закрепить успех, уже спокойнее проговорила:

– Сядь и не мельтеши. Вон, Ваську до смерти напугала...

Кот и вправду, чтобы уберечься от ее метаний, забрался под стол, и оттуда выглядывал с жалобным мяуканьем. Валуша плюхнулась на скамью рядом, и, косясь на меня с подозрением, спросила:

– Ты и вправду в норме?

Я с тяжелым вздохом ответила:

– Вправду, вправду... Не могу сказать, что совсем в норме, но с сердцем все в порядке.

Подруга обескураженно посмотрела на меня, и недоверчиво проговорила:

– Тогда чего на полу сидела?

Я опять вздохнула, пытаюсь сообразить, как бы ей подо-

ходчивее рассказать, что случилось, чтобы она опять не начала метаться. Не иначе, как с перепугу, ничего умного в голову не приходило, и, мысленно махнув рукой на все, я выдала:

– Тут сейчас привидение к нам приходило...

Я опасалась, что подруга опять кинется мне лоб щупать или пульс считать, но обошлось. Она вытаращила на меня свои кошачьи глаза и выдохнула:

– Иди ты...! Дед приходил? – И тут же, не ожидая от меня ответа, на поставленный вопрос, скорбно поджав губы, обвиняющим голосом проговорила. – Ну вот! Я же говорила! Ему, наверняка, не понравилось, что мы у него на поминках песни поем...

От такого ее утверждения я слегка опешила. Пару раз хлопнула ресницами, не зная, то ли мне смеяться, то ли плакать. А Валька уже принялась развивать тему, усевшись на своего любимого конька (она, по неведомой причине, сама себя считала знатоком потустороннего мира).

– Нужно сходить в церковь и еще раз заказать отпевание, а потом...

Зная, что если ее не остановить в самом начале, то еще часа полтора этого будет вообще невозможно сделать, я прервала ее «песню» не дожидаясь «припева».

– Да не дед приходил! Чего бы ему приходиться? И песню он эту любил!

Мое заявление Вальку озадачило. Она с недоумением впе-

рилась в меня, и, почему-то, таинственным шепотом, спросила:

– А кто?

Я опять вздохнула.

– Помнишь ту, давнюю историю, с нашей игрой в детстве в «казаки-разбойники», ну я тебе тогда рассказывала.

В глубине ее глаз зажегся огонек предвкушения чего-то страшного и таинственного. И она, опять же, шепотом, проговорила несколько возбужденно:

– Конечно, помню!! Разве такое забудешь?! И что...?

Мне вся эта ситуация напоминала разговор двух сумасшедших в скорбном доме. Но так было, и пока я ничего не могла с этим поделать.

– Так вот, кажется, приходила та... ну которая в ковре была замотана, с одной туфлей.

Валентина придвинулась ко мне поближе, схватила меня за руки и опять прошептала, словно опасалась, что нас могут подслушать:

– Чего хотела-то?

Я проворчала:

– Известно, чего... Говорит, вторую туфлю мою найди...

Подруга почесала нос, и с умным видом проговорила:

– Понятно..., – что ей было понятно оставалось загадкой.

Потому что мне точно ничего понятно не было. А Валька продолжила тему развивать. – Душа неупокоившаяся, убийца не найден и не наказан. Да и тело ее, сердешной, неизвест-

но где до сих пор. Менты тогда так ничего ведь и не нашли. — Она махнула рукой. — Да и не искали они ничего тогда! Это ж сколько годков-то прошло?

Чтобы она не перенапрягала свою голову сложными арифметическими подсчетами, я услужливо подсказала:

— Уже четырнадцать...

Валька воздела палец к потолку, и довольно закончила:

— Во! И я о том же! Сколько лет, а все без результата!

Я опять похлопала на нее ресницами.

— Это без какого такого результата?

Она удивленно посмотрела на меня.

— Как это, без какого результата? Убийца-то так и не найден. — И тут же стала приставать ко мне с вопросами. — А чего она к тебе-то?

Я даже разозлиться на нее не имела сейчас сил.

— А я знаю?! Ты что полегче спроси!

Подруга с пониманием закивала головой.

— Ну да, ну да... Думаю, ты тогда одна его видела, вот она к тебе и пришла... Значит, ты должна убийцу найти! — Я даже икнула от неожиданности такого странного вывода подруги. Видя, как я на нее вытаращилась, она поспешно прибавила. — Ну не одна, конечно! Я тебе помогу!

Я закатила глаза и, обхватив голову двумя руками, только простонала:

— Умом тут с вами тронешься...

Глава 2

Нечего было и говорить, что остаток этой ночи мы не спали, и даже не пытались. Валюха, добрая душа, принялась гоношиться с завтраком. Хотя, по моему мнению, нам сейчас было не до еды. Но она жесткой рукой медицинского работника, усадила меня за стол, поставила передо мной сковородку с шипящей на шкварках яичницей, и, всунув мне в руки кусок хлеба, приказным тоном велела:

– Ешь! Нам сейчас силы ох как понадобятся перед таким-то...

Я, покорно взяв вилку, с усмешкой спросила:

– Перед каким «таким-то»?

Подруга с набитым ртом проговорила не очень внятно:

– Ну... как перед каким? Перед тем, как к поискам убийцы приступить...

Я только головой покачала. Но возражать сейчас не стала, а то, не ровен час, подавится еще. Вяло ковыряла вилкой в сковородке, а сама размышляла. Может и вправду, продать дедов дом, да и уехать обратно? И забыть, как страшный сон, всю эту историю. Видимо, мои сомнения отразились на моем лице, потому что, Валюха перестала жевать и настороженно уставившись на меня, вдруг заявила:

– Даже и не думай!!!

Я хмыкнула.

– Кассандра ты моя...

Валька надулась и сурово проговорила:

– Будешь обзывать, я тебе по носу заеду. А уезжать тебе сейчас отсюда ну никак уже нельзя. – И слегка прищурившись, ехидно добавила. – Она тебя и в Рязани найдет. У привидений границ нет, и транспортные проблемы их тоже не особо волнуют.

Я в долгу не осталась.

– А чего же она тогда ко мне в Рязани не являлась, а только тут, в дедовом доме пристала?

Мой вопрос подругу несколько озадачил. Она сморщила нос, что свидетельствовало о ее непомерно трудной работе мыслей. Наконец, посветлев лицом, она выдала:

– Так это же понятно!! Пока жив был дед Иван, он тут сдерживал границу между мирами. А сейчас, когда он умер, границу охранять стало некому...

Я ей не дала закончить.

– Ты это вон бабке Клаве поведай, и то вряд ли поверит. – Валька набрала в грудь воздуха, собираясь дать мне достойный отпор, но я такой возможности ей не дала. Махнула рукой. – Ладно, угомонись, подруга. Я пока еще ничего не решила. Да и чтобы дом деда продать тоже время нужно. Так что, пока у меня отпуск, поживу, подумаю, осмотрюсь. А там жизнь сама подскажет правильное решение.

Валька обрадованно закивала головой, забыв, что совсем недавно собиралась мне дать по носу:

– Вот это верно... Все надо решать не торопясь, основательно. Ты бы еще сходила к нашим, в контору заповедника. Узнала бы насчет вакансий. Ну так... на всякий случай.

Так, за разговорами мы и встретили с ней рассвет. Я собиралась сходить на кладбище, а подруга вызвалась составить мне компанию. На мой вопрос, не нужно ли ей на работу, она беспечно махнула рукой.

– Если кому надо, меня найдут. А так, у нас здесь больных не очень много, так что ничего страшного не произойдет, если я этот день проведу с любимой подругой, чтобы поддержать ее в скорбный час. Народ у нас понятливый, так что, за такой прогул меня не осудят, не переживай. – Заявила она с серьезной миной.

Честно говоря, я даже почувствовала некоторое облегчение. Остаться сейчас одной не очень-то и хотелось. Наскоро собрав немного блинов, пару вчерашних котлет, несколько ломтей хлеба, я завернула все это в большой лист промасленной бумаги из-под сала. На вопросительный взгляд подруги, пожала плечами.

– Помянуть на могилке-то надо. А может, кого знакомого встретим. Пускай деда помянут тоже. – На что подруга одобрительно кивнула и покосилась на недопитую бутылку с водкой. Проследив ее взгляд, я сурово проговорила: – Пьянству – бой! – И решительно направилась к двери.

Кладбище нас встретило щебетом птиц, жужжанием пчел и каким-то невероятным покоем. Наверное, так и должно

быть в таком месте. И у меня на душе, не смотря на всю трагическую ситуацию, тоже воцарился какой-то покой, если не сказать, умиротворение. Поправив на свежем холмике дедовой могилы венки из аляповатых искусственных цветов, и поставив в трехлитровую банку с водой свой скромный букет ромашек, которые нарвали по дороге, я заметила:

– Деду бы понравилось место. Березки кругом шумят, тишина... – Слезы навернулись у меня на глаза, и я стала шмыгать носом.

Валька, сурово сдвинув брови, чтобы не разреветься вслед за мной, проговорила:

– Надо бы вазочку какую принести. А то в банке как-то... некрасиво, в банке. Дед Иван во всем порядок любил и красоту ценил. Надо поговорить с нашим кузнецом, пускай что-нибудь эдакое сварганит. Ну, чтобы от ветра не разбилось. Да еще к тете Наташе сходить, какой-никакой рассады выпросить цветочной. У нее их много, цветов-то. Сейчас ведь еще не поздно, только июнь месяц. Так что, приживется...

Я кивнула согласно головой, и благодарно сжала ей руку. Постояв еще немного у могилки, мы побрели прочь. Выждав еще несколько минут в молчании, Валька предложила:

– А давай сходим к старой усадьбе. Там сейчас стройка идет. Говорят, какой-то высокий чиновник из Рязани ту усадьбу купил.

Я удивленно вскинула брови.

– Целую усадьбу? И кто ж ему ее продал?

Подруга махнула рукой.

– Тут у нас такое было с этой усадьбой... Когда народ-то о продаже узнал, так возмущаться начал. А этот самый чиновник, не сам, конечно, какой-то его управляющий, нам в нос бумагу стал тыкать, что, мол, никакой особой исторической ценности та усадьба не представляет. Да и сама знаешь, дом-то не особенно большой. Скорее всего, это даже и не усадьба была, а так, скорее охотничий домик какого-нибудь обедневшего барчука из местных. Ну, в общем, наши поволновались, побузили немного, да и успокоились на том. А этот управляющий соловьем тут разливался, рассказывая, что нашей деревне от этого только одни плюсы. Мол, говорит, тут и дорогу сразу в порядок приведут. Чиновник-то чай, не на конях приезжать будет, на машине, значит и дорога до поселка нужна будет хорошая. – И она, как-то безнадежно махнув рукой, принялась разглагольствовать о «чертовых казнокрадах» и о том, что «на них Сталина не хватает».

Но долго печалиться Валька не умела. И тут же без особого перехода заявила:

– А там, у них, сторожем мой сосед, дядя Слава подвизался. Помнишь, он нам в детстве всякие интересные истории рассказывал? Так он про эти дела много чего знает. Глядишь, может и про твое босоное привидение чего расскажет... Пойдем... Интересно ведь...

Никаких особых дел у меня не было, и я согласилась. Хотя, по моим представлениям, дядя Слава про эту «мою бо-

соногую» знать ничего не мог. Хотя... Чем черт не шутит, когда Бог спит.

В общем, мы отправились к усадьбе. Меня, почему-то, охватило некоторое волнение, сердце учащенно запрыгало в груди, словно я готовилась к встрече... С кем или, с чем? Со своим детством, с той прежней беззаботной и какой-то радостной жизнью, которая ушла безвозвратно? А может быть, я предчувствовала встречу со своей судьбой, которую, как известно, и на кривой кобыле не объедешь?

Усадьба нас встретила новым высоким тесовым забором, выкрашенным зеленой краской, и запертыми воротами. Отсюда, из-за забора, была видна только крыша старого дома. Я хмыкнула, глядя на это новшество, и, не скрывая иронии спросила:

– А с той стороны собаки бегают, а на ночь включают электрический ток по периметру?

Валька с недоумением глянула на меня, восприняв мои слова вполне серьезно.

– Насчет тока, ничего не знаю. А собака, конечно, есть. Дяди Славина Жучка. Да ты не бойся, она ласковая...

Я только вздохнула. Объяснять подруге, что собак я никаких не боюсь, ни ласковых, ни не ласковых, не стала. Только свергну Валуху в новые философские рассуждения. А мне сейчас не хотелось вступать ни в какие диспуты на дурацкие темы.

К моему удивлению, Валька прошла мимо ворот, из че-

го я заключила, что где-то есть потайной лаз «для своих». Вскоре, так оно и оказалось. Зайдя за угол, Валька воробовато огляделась, отодвинула широкую доску забора, висевшую на одном гвозде, в сторону, и, шепнув мне «давай за мной», исчезла в образовавшейся дыре. Я, тоже оглядевшись (не иначе как заразилась конспирацией от подруги), шмыгнула вслед за ней, и оказалась на территории усадьбы, будто в другом мире. Огляделась с любопытством, пытаюсь ощутить то прежнее, таинственное и загадочное чувство, которое охватывало меня каждый раз, когда девчонкой забираюсь сюда с друзьями. Несколько десятков старых лип, окружающих дом, стояли на прежнем месте. И я почувствовала даже некоторую благодарность к новым владельцам, за то, что не срубили вековые деревья. Весь дом был опутан, словно паутиной, строительными лесами. Рядом лежала большая куча старого битого кирпича. Видимо, выносили перегородки. Новый кирпич, струганный пиломатериал, какие-то ящики и инструменты, стояли отдельно, сложенные аккуратными стопками и штабелями.

Валентина не дала мне как следует оглядеться, а сразу, схватив за руку, поволокла в сторону черного входа. Из-за угла дома выскочила небольшая собачонка палевой масти с одним белым ухом, и, соблюдая собачий канон, несколько раз как-то нерешительно тявкнула. А потом, видимо, узнав Валентину, радостно замотала хвостом и кинулась к нам на встречу. Тут же скрипнула дверь черного входа и оттуда по-

казался дядя Слава. Честно говоря, я с трудом узнала в этом дедке того разудалого, вечно улыбающегося мужичка, вокруг которого зачастую собиралась вся окружная детвора, чтобы послушать его рассказы. Ну, с дедком-то я, конечно, погорячилась. Но время его точно не пощадило. Невысокого роста, с кривыми, как у кавалериста ногами, смеющимися карими глазами и морщинистым личиком, больше похожим на печеную тыкву, он напоминал мне теперь знаменитого Ойле Лукойе из сказок Андерсена, только, вместо остроконечной шляпы на нем была полинявшая кепчонка. Вид имел суровый, а в руках, наперевес держал старую берданку, что выглядело уж и вовсе уморительно. Представляете себе Ойле Лукойе со старой берданкой в руках и хмурым видом? Вот и я не представляю.

Увидев Валентину, он перестал хмуриться и протянул:

– А... Это ты... А кто это с тобой?

Я вышла из-за спины подруги, и поздоровавшись, проговорила:

– Дядь Слава, неужто не признал? Полина я, деда Ивана внучка...

Мужичок распрямился, сдвинул кепчонку на затылок и протянул с некоторым удивлением, оглядывая меня с ног до головы:

– Эвона... Какая красавица-то выросла! Тебя и не признать сразу-то... Совсем городская стала. – И тут же, будто спохватившись, виновато проговорил: – Ты уж извини, По-

ленька, что на поминки к деду не явился. Я сейчас при месте, а служба такая, сама понимаешь, не на кого оставить объект.

Он с какой-то гордостью произнес последнее слово «объект», что наводило на мысль, что работой своей он доволен, и даже горд. Я, пряча усмешку, ответила:

– Ничего страшного, дядя Слава. Мы вот тут тебе принесли кое-чего, так помяни деда. – И я протянула ему небольшой сверток, который так кстати захватила с собой, идя на кладбище.

Дядя Слава, приняв сверток, потянул носом и проговорил:

– Спасибо, уважили... – Но вид имел при этом какой-то не очень радостный.

Тут встряла Валька:

– Дядь Слав, прости, водки не принесли. Как-то не подумали... – Голос почти виноватый.

Мужичок замахал на нас руками.

– Какая водка!! Девки, вы чего... Я ж на службе...

Но в его словах я не услышала искренности, хотя, он очень старался. Вообще-то, я не помнила, чтобы хоть раз видела его пьяненьким. Но, кто его знает теперь? Время идет, все меняется.

Дядя Слава несколько суетливо стал убирать свою берданку за плечо, а сверток под мышку, приговаривая:

– Чего это мы тут стоим? Айда за мной... Я сейчас чай вскипачу. Поговорим, покалякаем. А то одному тут совсем

тоска. Я было газеты приноровился здесь читать, да только в тех газетах одно сплошное расстройство. И, опять же, служба... Обхожу каждый час территорию, за порядком гляжу. Все, как полагается...

Мы направились за ним, а мне почему-то сделалось тоскливо. Разбираться в смене своего настроения было некогда, но я уже начинала жалеть, что мы сюда пришли, и стала поглядывать на Вальку со значением. Подруга делала вид, что моих взглядов не замечает. И я смирилась. Пускай все идет, так, как идет.

Дядя Слава завел нас в свою комнату, которая, судя по всему, раньше служила дворницкой, и была расположена в полуподвальном помещении. Потолки здесь были высокими, сводчатыми, стены широкими, никак не меньше полутора метров, и сложены из больших камней белого цементного известняка, издревле добываемого в этом районе. Такое помещение, пожалуй, и бомбовый удар выдержит. Небольшое окошечко под самым потолком, старенький топчанчик, застеленный аккуратно чистеньким одеялом, деревянный добротный стол, с краю старенький электрический чайник, две чашки, накрытые чистой салфеткой, две табуретки, в углу печка-буржуйка. Три довольно крутые ступеньки вели вниз, и рядом стояла старая, слегка погнутая эмалированная темно-коричневая миска, надо полагать, для Жучки и расстелена какая-то дерюжка, заменяющая для собачонки подстилку.

Насколько я помнила, дядя Слава жил бобылем. Жена его

когда-то очень давно умерла при родах вместе с ребенком, и он с той поры так и не женился. Но в его доме всегда царил образцовый порядок. Обихаживал он себя всегда сам, чему завидовали многие местные бабы, не раз подбивавшие к нему клинья. Но дядя Слава был как утес на морском берегу, тверд и непреступен. Помню, та же бабка Клава, провожая взглядом проезжающего мимо нее на неизменном стареньком велосипеде дядю Славу, поджав губы, неодобрительно бросала ему вслед: «Ишь ты, какой однолюб выискался...»

Дядя Слава принялся суетиться, включать чайник и накрывать на стол нехитрую снедь, состоящую из баночки малинового варенья и сушек, лежащих в старой консервной банке из-под томатного соуса. Заваривая чай, он приговаривал:

– Это тебе не какой-нибудь магазинный мусор, это наш, Рязанский, собранный листочек к листочку, цветочек к цветочку. Скоро вон липа зацветет, ох и духмяно будет тут, пчелки жужжат... Красота. А мед с липового цвета ох и душистый, сладкий. Ты там в своем городе поди, уже и забыла какой он бывает на вкус, настоящий-то...

Мы с Валькой дружно кивали головами, в нужных местах делали изумленные глаза. В общем, вели себя сообразно обстановке. Наконец, он разлил ароматный напиток, от которого дух, и вправду, стоял по всей комнатушке. Нам в кружки, себе, как хозяину, в старую консервную банку из-под зеленого горошка. Сделав для приличия несколько глотков, Валька

приступила с вопросами.

– А скажи-ка, дядь Слава, ты ведь много всяких историй знаешь про здешние края. Может и про этот дом чего вспомнишь?

Наш радушный хозяин, словно ждал от нее этого вопроса. Усевшись поудобней на топчане (табуретки, как гостям достались нам), хитро на нас поглядел, и солидно ответил:

– Само собой, знаю, и немало... Вас что-то конкретное интересует, или про старину охота послушать.

Мы с Валькой переглянулись многозначительно. Нужно было начинать издалека. И подруга, изображая некоторое равнодушие, слегка пожав плечами, произнесла:

– Да, нам, собственно, все равно... Что хочешь, то и расскажи. Нам все интересно будет.

Наш хозяин приосанился, поставил свою банку-кружку с чаем на пол рядом, и начал свой рассказ.

– А слышали ли вы, девки, рассказ о знаменитом разбойнике здешних мест Матвее Веревкине? – Мы опять переглянулись и слегка пожали плечами. Дядя Слава неодобрительно зацокал языком, словно моя первая учительница Ольга Михайловна, когда я не смогла ей ответить сколько будет трижды три. – Ну тогда слушайте. Был это самый Матвей Веревкин из нашего, Рязанского уезда. И был он человеком простым и честным. Землю пахал, с сельчанами добром обходился. Было это дело во времена правления Анны Иоановны. Была у Матвея сестра старшая, Варварой звали. Заместо

матери Матвею была по причине их раннего сиротства. Говорят красоты невероятной. И влюбился в нее местный барин. А Варвара-то была уже и сговорена за местного кузнеца, и, говорят, промеж них любовь была страсть какая сильная! Только барин хотел сам девицу заполучить. Выкрал он Варвару, да насильничал, а кузнеца в солдаты на двадцать пять годков отдал. Варвара после того и утопилась. Так с высокого берега в реку-то и сиганула. А Матвей, ему тогда осьмнадцатый годок уж шел, не стерпел обиды. Убил он того барина, а усадьбу спалил. И утек в леса Мещерские. Сколотил он ватагу и стал озоровать по дорогам, купцам тутошним перышки выщипывать. И никто не мог того Матвея изловить. Ловок уж больно был, да знал много того, чего простому человеку и неведомо вовсе. Говорили, поймали его один раз, да на казнь повели. А он попросил перед смертью стакан вина из своей бутылки заветной, которая всегда при нем была. Последнюю волю идущего на плаху никто нарушить не осмелился. Налили ему из его бутылки, а он стал пить, да в том вине и исчез. И пуще того стал по дорогам да богатым селам разбойничать. Только, бедного люда он не трогал, а наоборот, что у богатых отымет, то беднякам раздаст. – Дядя Слава замолчал на мгновение, чтобы чайку отхлебнуть, а Валька тут и встряла.

– Значит, Веревкин этот местный Робин Гуд был.

Дядя Слава чуть чаем не подавился. Глянул укоризненно на подругу и проговорил назидательно:

– Вот сколько тебе говорить, Валентина. Не гоже тебе ру-

гаться всякими нехорошими словами! Ведь, вроде всем ты хороша, и образованная, и красавица, а как скажешь чего... Тыфу! Слушать неприятно!

Валька вроде бы собралась начать оправдываться, но я ее под столом легонько пнула по ноге. Молчи, мол... Она поморщилась, ушибленное место потерла и на меня зыркнула, словно поленом швырнула. Но, рот закрыла, и виноватую рожицу скорчила. А я обратилась к дяде Славе:

– Ты дальше рассказывай, она больше не будет.

Тот головой только покачал, но воспитывать больше Вальку не стал, продолжил:

– Однажды, совсем было его изловили. В селе Сельцы дело было. Только над домами вдруг огонь невиданный словно полыхнул, и исчез Матвей в пламени том. Старики поговаривали, что знался Матвей со старыми Волхвами, которые по лесам, да скитам от царского гнева прятались. А иначе бы откуда у него такая сила взялась...

Тут у меня уже терпение слегка закончилось. И я встряла:

– Дядя Слава, а какое отношение этот Веревкин имеет к нашему краю и к этому дому? Тут тогда, наверное, и дома этого в помине не было...

Дядя Слава неодобрительно глянул на меня, ну и Валька стала корчить зверские рожи, мол, куда лезешь и все такое. Но слово было сказано, его ведь обратно в рот не затолкаешь. Поэтому, на пантомиму подруги я ответила пожатием плеч, и соорудила виноватый взгляд для дяди Славы. Он за-

думался на минуту, не забывая прихлебывать остывший чай, и проговорил задумчиво:

– Да, этого дома тогда не было. А место-то было! И деревня была. И жил на ту пору в этой деревне барин один. Из не шибко богатых, так, говорили, тоже от царевой «милости» сюда ушедший. Дом его стоял как раз вот на этом самом месте. Не каменный, деревянный, но большой и справный. И была у того барина дочка-красавица. Как уж звали, теперь и не упомяну вовсе. Только случилась у нее с Веревкиным любовь. Тайком встречались. Батюшка-то за такое по головке бы не погладил. И рассказывают, что все богатства награбленные, какие раздать не успел, Матвей здесь где-то и припрятал. Только, клад этот заговоренный, не каждому в руки дастся. И только потомки его, в ком хоть капля крови Матвеевой течет, могут этот клад достать и проклятие их не тронет.

Валюха аж рот приоткрыла, когда дядя Слава про клад начал рассказывать. А когда замолчал, она с придыханием спросила:

– И что...? Никто тот клад не искал? Быть того не может! Или ты, дядь Слав все это придумал?

Тот обиженно надулся, и пробурчал.

– И ничего я не придумал! Так старики рассказывали. А старики – они знают, что к чему. – А потом хитро так на подругу глянул, и протянул. – А ты чего это, Валентина...? Никак клад собралась искать? Так, забудь. Говорено же! Только

наследникам Матвеевым он в руки дастся!

Валентина как-то сразу сникла, но опасный огонек продолжал гореть в ее кошачьих глазах, что несколько настораживало. Уж слишком хорошо я ее знала. Если ей чего в голову втемяшится, все, туши свет и собирай манатки! Меня же тема клада совсем не интересовала, и я спросила:

– А скажи, дядь Слава, ты не помнишь, чтобы кто-то в наших краях пропадал?

Он глянул на меня остро и пронизательно.

– А тебе, девонька, я вижу, та, старая твоя история, покоя не дает?

Я покаянно проговорила:

– Не дает, дядь Слава, никак не дает...

Старик покачал головой:

– Понятное дело, такое в малолетстве увидишь – до конца дней не забудешь... Тогда милиция-то не шибко искать кинулась...

Я решила за наших стражей правопорядка заступиться.

– А чего искать? Когда они пришли, то здесь уж ничего и никого не было. А кто я тогда была? Девчонка сопливая. Вот они и решили, что придумала все. А разве ж такое придумаешь? Так что, насчет пропавших?

Дядя Слава пожевал губами и с сожалением проговорил:

– Наши-то все, вроде на месте были. Дак, тут дачники тогда на лето приезжали. Может у них кто? Теперь -то разве ж дознаешься... Ты, вот что, девонька. Историю эту из голо-

вы выкинь, ни к чему хорошему мысли такие не приведут. А я вам еще чего скажу. — Он вдруг перешел на таинственный шепот. — В доме этом что-то нечисто... Только, я пока не разобрался еще, что тут к чему. Надо бы еще маленько поглядеть... — закончил он совсем загадочно и непонятно.

Мы с Валькой напряженно подались вперед, ожидая продолжения. Но тут, Жучка, мирно дремавшая на своей подстилке у ступеней, ведущих к выходу, вдруг сорвалась с места с заливистым лаем. Дядя Слава поднялся со своего топчанчика, и шустро направился на выход, бросив нам на ходу.

— Вы тут посидите, а я гляну, кто там. — И уже стоя в дверях, добавил строго. — И не высовывайтесь, мало ли что...

Что означало это его «мало ли что» мы не поняли, и от этого стало как-то тревожно. Посмотрели друг на друга выразительно. На мой немой вопрос, подруга пробурчала:

— Может хозяева приехали, а дядя Слава не хочет, чтоб они видели, что он тут посторонних гостей принимает?

И, не дожидаясь от меня ответа, резво вскочила со своего места, схватила табуретку, на которой сидела, водрузила ее на стол, и полезла на эту шаткую пирамиду, стараясь заглянуть в оконце. Мне тоже было интересно, что там такое, но за Валькой я, разумеется, не стала карабкаться, косясь на эту шаткую конструкцию, которая двоих, пожалуй, может и не выдержать. А подруга, встав на цыпочки на табуретке, смотрела в окошко и оттуда информировала меня, рассказывая, что происходит во дворе:

– Подъехала какая-то «волга», мужик из нее вышел, вроде, молодой. О, еще трое с ним. А следом грузовик, нагруженный чем-то... – Все ее объяснения, не давали мне ясной картины, кто же это все-таки явился. Сказала, молодой, значит не хозяин? Или хозяин? Я почувствовала себя ужасно глупо. Чего мы тут в разведчиков играем? И я собралась уже сказать ей, что пора бы нам выметаться отсюда. Но тут она отпрянула от окна так, что вся эта конструкция зашаталась под ней. Я испуганно схватилась за ножки табуретки, пытаюсь предотвратить катастрофу. Валька, похоже, ни разу не испугавшись падения, сделав круглые глаза, зверским шепотом зашипела: – Они сюда идут. – И принялась слазить с табуретки. Спрыгнув, наконец, безо всяких увечий на пол, она выдала, словно сообщала мне о том, что выиграла в лотерею миллион:

– Этот, молодой, что приехал, какую-то коробку прет, а наш дядя Слава впереди него семенит и что-то говорит без умолку. Наверное, кается, что чужие у него в гостях. – И тут же, почти испуганно, с некоторым отчаяньем заметаившись по комнате. – Что делать-то?

Я пожала плечами, пресекая на корню своим спокойным видом ее желание залезть под стол:

– Да ничего не делать. Чего ты суетишься, как будто мы у них что-то сперли? Мы же не воры. Мы в гости зашли к своему дяде Славе. Что тут криминального? Так что, сядь, и не мельтеши. – И, с неизвестно откуда взявшимся пафосом,

проговорила, словно Шекспира декламировала: – Опасность нужно встречать достойно, лицом к лицу...

Глаза у Вальки и без того большие, совсем округлились, и она, опять шепотом спросила:

– Какую опасность? Нам что, опасность грозит?

Я только глаза закатила под лоб, да головой покачала. Но это на подругу не произвело никакого впечатления, и я в сердцах бросила:

– Да угомонись, ты, неумная! Шучу я...

Валька на минутку расслабилась, потом опять нахмурилась, предполагаю, собираясь высказать мне все, что она в этот момент обо мне думала. Но тут, послышались шаги, дверь скрипнула, а я, быстрым движением успела только табуретку со стола сдернуть и усесться на нее, как ни в чем не бывало. Мол, сидим тихо, починяем примус...

В бывшую дворницкую, а теперь сторожку, по трем ступеням вниз коломом скатился дядя Слава, а за ним появился молодой мужчина лет тридцати-тридцати двух, неся, обхватив двумя руками, большую картонную коробку. Дядя Слава суетливо все повторял:

– Да, зачем это вы... Да, что ж это... Я бы сам...

Мужчина, все еще не видевший нас из-за коробки, красивым глубоким голосом проговорил:

– Да, ладно, Петрович. Коробка тяжелая. Мне не трудно...

Наконец, поставив коробку на пол возле печки, он обратил внимание на то, что в комнатке присутствует кто-то

еще. Медленно распрямился, автоматически отбросив со лба прядь светлых, чуть волнистых волос, и замер в какой-то растерянности. Валька, так и не успевшая сесть до этого, замерла столбом посреди комнаты, а я, как в детском саду, сложив ручки на коленках, осталась сидеть на табуретке. Мы разглядывали друг друга несколько секунд, и я едва удержалась, чтобы не присвистнуть. Высокий, стройный, с легкой небритостью, прямой нос, четкий овал лица с острыми скулами, чуть прищуренные темно-карие глаза. Не глаза, а казни Египетские. Глубокие, какие-то бездонные, а внутри забились, затесалась какая-то загадочная грусть. От одного его взгляда женщины должны были валиться штабелями направо и налево.

Кроме нас с Валькой других женщин тут не было. Валька и повалилась, правда, не в штабель, а плюхнулась на топчан и тихо выдохнула:

– Ничего себе...

Я на табуретке усидела, но и на меня этот гражданин впечатление произвел. А дядя Слава, которого пришедший называл просто «Петровичем», начал тарыхтеть:

– Вот, познакомьтесь, девки. Это сынок хозяйский, Егор..., – он на мгновение замялся, а потом закончил как-то смущенно. – Аркадьевич...

Ого... Целый Егор, да еще и Аркадьевич! Валька расцвела черемухой, и, соскочив с топчанчика, чуть ли не приседая в книксене, протянула ему свою лапку и выдохнула:

– Валентина... Можно без отчества...

Целый Егор Аркадьевич, как-то нерешительно пожал ее руку, и проговорил, чуть хрипло:

– Меня тоже можно без отчества. Просто, Егор...

Валька руку свою забрала и промурлыкала, мерцая кошачьими глазищами:

– Очень приятно...

А я все продолжала его разглядывать. Не любила я «золотую молодежь». За их высокомерие на ровном месте, за их непомерно раздутую гордыню непонятно на чем основанную. А копни поглубже – нет ничего настоящего. Этот, вновь прибывший, как-то на «золотую молодежь» был не очень похож. Ни тебе дорогих часов, ни тебе шмоток с модными лейблами, ни фирменных джинсов. Обычные брюки, какие носили все, простая белая футболка и старые командирские часы на кожаном ремешке. Вот и весь прикид. За разглядываньем я как-то забыла представиться. Пока я сообразила, что парень смотрит на меня уже несколько секунд вопросительно, шустрая подруга скороговоркой проговорила:

– А это Полина, моя подруга... – И тут же стала щебетать. – А мы тут к дяде Славе в гости заглянули. Надеюсь, вы не будете возражать, что мы его ненадолго от службы отвлекли? – и кокетливо захлопала глазками.

А Егор все это время глядел на меня, и как-то даже не среагировал на вопрос подруги. На меня вдруг напал какой-то ступор. Я смотрела прямо в его глаза и где-то, в самой глу-

бине памяти у меня зашевелился нехороший червячок. Чтобы как-то скрыть свое замешательство, я встала с табуретки, и буркнула:

– Очень приятно, Егор... Аркадьевич. Мы уже уходим. – Схватила Вальку за руку и поволокла ее на выход.

Она пыталась слабо упираться, но шанса остаться я ей не дала. Бросив на ходу короткое «до свидания», мы вылетели с ней на улицу. Там, опомнившись, она выдернула свою руку и с возмущением проговорила:

– Полька, что на тебя нашло?! Такой экземпляр!!! А я, между прочим, с неустроенной личной жизнью... Да и ты, кстати, тоже..., – и опять повторила, – Чего на тебя нашло то?

Я про себя хмыкнула. Кто бы знал? А вслух проговорила:

– Не знаю, но мне, почему-то, захотелось уйти. Если ты хочешь, можешь остаться, а меня уволь. У меня дел дома по горло.

Подруга с тоской оглянулась на дверь дворницкой, откуда мы так поспешно ретировались, вздохнула тяжело, и поплелась за мной, бурча себе под нос что-то на тему «некоторых, которые и сами не ам, и другим не дам».

Глава 3

Остаток дня я провела в домашних хлопотах. Валька, по-видимому, все же обидевшись на меня, буркнула, что ей на работу не мешало бы заглянуть, вдруг кому срочно помощь потребуется. Я кивнула головой и бросила отрывистое «по-ка». Она постояла несколько секунд, глядя в раздумье на меня, и спросила:

– А все-таки... Что тебя так напрягло, что ты, как ошпаренная из сторожки выскочила? Я же вижу, ты на себя не похожа стала. Не поделишься с подружкой?

Вальку обижать не хотелось, и я проямлила:

– Не знаю... Просто захотелось уйти...

Объяснение было так себе. Подруга глянула на меня пронищательно, а потом, несколько обиженно, буркнула:

– Не хочешь – не говори, дело твое...

На такой волне с ней расставаться не хотелось, и я примирительно проговорила:

– Давай завтра к дяде Славе еще раз зайдем. Я пирогов напеку, отнесем ему, а заодно и поговорим еще. Ведь он что-то нам не дорассказал, про дом этот.

Валька сразу же вдохновилась.

– Ну, да...! Точно!!! – И словно про себя добавила, – Может еще и Егор не уедет...

Ох, чувствовалось, что оставил этот «целый Аркадьевич»

след в сердце подруги. На том мы и расстались.

А вечером она опять пришла ко мне, заявив, что останется ночевать, по причине «не оставлять же подругу один на один с привидением». Ее приходу я была рада. Не то, чтобы я уж очень боялась, что привидение вернется, но одной было все же как-то жутковато.

В старом сундуке деда я обнаружила несколько альбомов с фотографиями, и мы принялись их разглядывать.

– Смотри, это ведь наша компания «разбойников»! – Валентина азартно ткнула пальцем на одно фото, на котором стояла стайка перемазанных ребятишек. – Помнишь, как мы тогда играли? Это вот Колька, он сейчас где-то в городе, говорят в немалых чинах в милиции служит. Как служил там в армии, так после армии и остался. А это Маринка, она сейчас у нас продавщицей в магазине. Замуж выскочила за какого-то залетного строителя. Сейчас толстая такая стала, двое ребятишек. А тут, глянь, словно тростиночка. А это мы с тобой, – она ткнула пальцем в двух девчушек, стоявших рядом и крепко держащихся за руки. Ситцевые одинаковые платишки, сандалии на босу ногу, косички в разные стороны, в которые вплетены обычные шнурки от ботинок.

У всех серьезные лица, словно и впрямь, все приготовились к бою. Дружно смотрят в камеру напряженными взглядами. Я листала альбом, а Валька сыпала комментариями. И вдруг нам на глаза попалась одна старая фотография. Дед Иван, а рядом с ним красивая женщина, юная, почти дев-

чонка.

– А это кто с твоим дедом? – Валька собрала брови «домиком», словно напряженно пытаюсь что-то вспомнить.

Я внимательно всмотрелась в ее лицо. Что-то неуловимо знакомое было в нем. Только, вот что, я понять никак не могла. Перевернула фотографию, надеясь увидеть там какую-нибудь поясняющую надпись, но там ничего не было. Я, почему-то вытащила фотографию из альбома и отложила ее в сторону, что не осталось незамеченным для подруги. Она с любопытством спросила:

– Не узнала, кто эта девица? – Я отрицательно помотала головой. Но Вальку это не удовлетворило. – А зачем в сторону убрала?

Кто бы знал, зачем... Я ответила, скорее сама себе, чем на вопрос подруги:

– Завтра хочу показать ее дяде Славе, может он знает?

Но и этого было недостаточно для Валентины.

– А чем тебя так эта девица заинтересовала?

Поняв, что простым пожатием плеч от нее не отделаться, я попыталась сформулировать то, что мне и самой было не очень понятно.

– Она мне кого-то напоминает, только я пока не могу понять кого...

Кажется, мое объяснение подругу на какое-то время устроило. Но молчать Валентина долго не умела, и опять полезла ко мне с расспросами.

– А тебе не кажется, что дядя Слава чего-то не договаривает?

Я коротко ответила:

– Кажется... Но мы же не можем его пытаться, чтобы узнать, что именно он не договаривает.

Валька тяжело вздохнула, словно и вправду сожалела, что мы не можем применить пытки к ее соседу. Потом на мгновение задумалась, и, с непонятно откуда взявшимся оптимизмом, заявила:

– Значит, будем умасливать его твоими пирогами. Расколется, как миленький! Только человек, находящийся не в здравом уме, не сможет разговориться после того, как твоих пирогов с малиной попробует. – И она мечтательно закатила глаза, давая понять, что за эти самые пироги она и сама любую тайну выдаст.

Спать сегодня решили лечь пораньше, и Валька убедила меня, что лечь сегодня мы должны вместе, объясняя свой порыв тем, что делает этот благородный шаг, чтобы мне не было страшно. Подозреваю, что она сама боялась больше меня. Собственно, мне-то страшно как раз-таки и не было. Чего бояться? Что еще раз эта барышня явится с требованиями найти ее пропавшую туфлю? Так, вроде бы, она все уже высказала, чего повторяться-то? Ну, как бы то ни было, мы легли вместе на одной кровати. Валька долго возилась, будто курица-несушка на гнезде, пытаясь поудобнее устроиться. И только мое грозное шипение, что, если она не угомонится, я

выгоню ее в другую комнату, заставило подругу притихнуть. Но и тогда она заснула не сразу. Посопев немного обиженно, принялась мне шептать:

– Полька, а тебя Егор понравился?

Отворачиваясь от нее к стенке, я пробурчала:

– Как может нравиться или не нравиться человек, которого и видел то всего пару минут. А красавчиков я никогда не любила. Редко, когда среди них нормальные попадают, а не какие-нибудь павлины.

На несколько минут казалось, что мой ответ ее устроил, но уняться она никак не могла, и принялась теревить меня за ночную сорочку.

– Полька, а ты против не будешь, ну, если я... того... отношения с ним заведу?

Я тяжело вздохнула. От черта молитвой, а от подруги ничем.

– Отношения на «заводят», они не куры. Отношения должны сложиться.

Валька весело хихикнула.

– Не цепляйся к словам... Ты же поняла, о чем я...

Я только зубами скрипнула, уже сто раз пожалев, что не выпроводила подругу, а позволила остаться ночевать, да еще и в одной кровати. Но эмоции свои сдержала. Повернулась к ней лицом, и проговорила:

– Послушай, если у вас что-то сложится, то я буду только рада. Тебе и впрямь уже пора замуж. Но, тебе не кажется, что

для этого нужно обоюдное желание обоих, и одного твоего будет явно недостаточно.

Валька опять хихикнула, и почти торжественно, проговорила:

– Ну вот и славненько... А ты сама знаешь, что мужики они зачастую своего счастья не понимают. Наша задача – им объяснить, где на самом деле их счастье!

Не выдержав ее серьезной физиономии, когда она произносила менторским тоном последнюю фразу, я расхохоталась. Видя, что я в веселом настроении, она села на кровати, подобрав под себя ноги, подоткнув подушку под спину, и с горящими глазами, начала делиться со мной своими планами по поводу процесса «объяснения мужикам, где спрятано их счастье». В общем, уgomонились мы уже за полночь. Васька, поняв, что он здесь третий лишний, ушел в кухню, и улегся на свое излюбленное место у печи. Я слушала Валентину, а сама пыталась отогнать три назойливые, едва сформировавшиеся мысли, которые причиняли мне легкое беспокойство, словно жужжащие над ухом комары. Первое: дядя Слава явно что-то не договорил нам об этом доме. Второе: почему меня так взволновал взгляд Егора. Тему его «неземной» красоты можно было смело отбрасывать. На подобное я была не падка. И третье: что за девушка стоит рядом с моим дедом на фото, и почему меня это так беспокоит. Думаю, если я отвечу на все три вопроса, то найду решение загадки того, что я видела в детстве на чердаке старого дома. И

еще... Все эти вопросы, я была почти в этом уверена, вернее, их ответы, связаны между собой. Только вот как?

Мои размышления прервала Валька. Обиженно надув губы, она проговорила:

– Да ты, подруга, меня совсем не слушаешь... А тебе бы стоило. Тоже на личном фронте не густо. А задуматься бы уже стоило. Если бы мы с тобой жили лет триста назад, нас бы уже считали перестарками и старыми девами. – Я, было, открыла рот, чтобы ей возразить, но она мне этого не позволила. Махнула пренебрежительно рукой, и с досадой проговорила: – Ой, я тебя умоляю... Твой жалкий опыт в далекой молодости можно в расчет не брать! Твой, как его, Петя, Ваня, Володя... – Начала она перечислять. Я хмуро ее подкорректировала:

– Анатолий, вообще-то...

Валька махнула рукой:

– Да, без разницы...! Главное, что результата этот проект не принес. Поэтому, ты должна слушать более опытного товарища...

Я хмыкнула:

– Это ты, что ли «более опытный товарищ»? То-то с твоим «опытом» ты поплыла от первой смазливой мордашки.

Валька обиженно захлопала на меня ресницами:

– И не только от мордашки... А фигура, а голос... – И она мечтательно закатила глаза.

Мне эти «курсы повышения квалификации» уже слегка

поднадоели, да и предыдущая ночка была та еще. Поэтому я несколько суровей, чем это требовалось, опять натянула на себя одеяло и проговорила:

– Так, все... Спать... А то завтра никаких пирогов не будет и, соответственно, никаких поводов прийти к дяде Славе в усадьбу.

Это возымело действие на подругу, и она, с тяжелым вздохом, принялась укладываться, кутаясь в одеяло. Вскоре, я уже слышала ее сопение. А вот с меня сон слетел, словно и не бывало. И я принялась ворошить свою память, стараясь вспомнить, что за девица стоит на фото рядом с дедом. Ничего толкового вспомнить так и не смогла. И это совсем не удивительно. Я больше запомнила какие-то яркие моменты моего детства. Как мы с дедом ходили на рыбалку, и я умудрилась свалиться в воду, не сумев вытащить рыбу, помнила своих друзей по детским играм и озорству. Но никаких девушек, которые были бы рядом с дедом Иваном в ту пору, хоть убей, вспомнить не могла. Оставалась одна надежда – на дядю Славу. С этими мыслями я и заснула, и спала крепко до самого утра. Если привидение этой ночью и приходило, то никто кроме Васьки его не встречал. А кошки, увы, говорить не умели.

На следующий день, ближе к обеду мы с Валькой отправились опять к старой усадьбе. Пока я с утра занималась пирогами, подруга успела сбегать домой и переодеться, обосновав свой поступок тем, что «не может же она в одном и том

же платье перед человеком два дня показываться». Я только хмыкнула, слушая ее объяснения по этому поводу. Вот будет «весело», ели Егора уже не окажется в усадьбе. Но подруге о возможности такого исхода событий я предпочла не говорить. Нельзя подрубать крылья птице на взлете. То, что Валька всерьез решила заняться этим «Аркадьевичем», меня ничуть не удивляло. План по захвату неприступной (а может, и приступной) крепости был в ее уме уже разработан, боевые действия продуманы. Осталось только все это воплотить на практике. Мне почему-то казалось, что Егора таким «кавалерийским наскоком» не взять. Но это так, просто мои предположения, у которых не было никаких особых оснований. И вообще, мне было сейчас не до подобных глупостей. Хотя, подозреваю, моя подруга это так бы не назвала. К таким вещам Валька относилась избыточно серьезно. Наверное, именно поэтому, на моей памяти, как минимум раз в год ей приходилось зализывать раны и склеивать обратно разбитое сердце.

На подходе к усадьбе, она вдруг выхватила у меня из рук корзинку с пирогами, и, соорудив уморительно-жалобную рожицу, попросила:

– Можно я Егору скажу, что это я пироги пекла?

Я усмехнулась.

– Да ради Бога! Только надолго твоей «маскировки» не хватит. Дядя Слава все равно знает, кто пек. А ну как проболтается? Получится не очень удобно. Не находишь?

Валька, обрадованная моим согласием, затрепала:

– А я и с дядей Славой поговорю. Ему-то до этого и дела не должно быть, кто, да как эти самые пироги пек. Главное, что он их будет есть.

Я опять усмехнулась.

– Ну, ну... А с чего ты взяла, что Егор еще там, а не уехал обратно в город? Что ему тут делать, в нашей-то глуши? – Капнула я все-таки немного дегтя в ее бочку меда.

Валька сначала испуганно охнула, остановившись, а потом, подняв очи к небу, и приложив свободную руку к груди, трагическим голосом проговорила:

– Не дай Бог... – Тут же поменяла выражение лица на озорное, и произнесла. – Не-е-е-т... Сердце-вещун, его не обманешь. Там он...

От всей этой ее пантомимы я чуть не расхохоталась. Но вовремя себя сдержала. Валька ведь и обидеться может.

То, что ворота усадьбы были распахнуты настежь, мы увидели издалека, и стоявшую «волгу» посреди двора тоже. Валентина победно улыбнулась. Глаза ее сияли, всем своим видом она словно хотела сказать: «Ну вот! Я же говорила!! Тут он, сердешный...» Забежала вперед меня, и стала передо мной крутиться.

– Ну, как я?

Я осмотрела подругу критическим взглядом с ног до головы, и серьезно проговорила:

– Красавица!!! У него нет шансов!

Валюха радостно засмеялась, и стала кружиться на месте, чуть не выронив корзинку с пирогами из рук.

Мы бодро зашагали вперед, к открытым воротам. А в усадьбе, похоже, кипела работа. Какие-то мужики, в количестве никак не меньше дюжины, таскали стройматериалы, бегая по залитому солнцем двору, словно мураши. Всей этой кучей народа руководил Егор. В строительной спецовке, с закатанными рукавами рубашки, разгоряченный работой он был особенно хорош. Валька встала столбом, залюбовавшись парнем. А я только усмехнулась.

– Чего встала, Джульетта? Твой Ромео хоть тебя и не ждет, но думаю, встрече обрадуется. Вперед! – И я тихонько подтолкнула ее в спину.

Валентина мелкими шажками засемила вперед, наплав сияющую улыбку на лицо. А я заметила, что она и вправду была красавицей, и что они с Егором будут прекрасной парой. Но тут же себя отдернула. О том ли мне сейчас заботиться надо было. У меня были серьезные вопросы, на которые я хотела получить вразумительные ответы. Вот этим и стоило сейчас озаботиться. В конце концов, мы пришли навестить дядю Славу, вот мне его поискать и стоило. Но Валька, словно бригантина под всеми парусами уже летела к Егору так, что я еле за ней поспевала. Он заметил нас, и, что-то крикнув одному из рабочих, пошел с улыбкой нам навстречу. Не доходя до нас пары метров, остановился и, своим глубоким красивым голосом, произнес:

– Рад вас видеть снова. Как поживаете? – И одарил нас лучистым взглядом своих карих глаз, в которых плясали озорные искорки.

Да... Валюху понять было можно. Я почувствовала себя Элизой Дулитл², которая в смущении стояла перед доктором Хиггинсом³. Даже в рабочей форме он выглядел принцем, со всеми прилагающимися к этой должности безукоризненными манерами. Чтобы как-то это чувство сгладить, я вежливо поздоровалась. А Валька сразу кинулась в бой.

– Здравствуйте, Егор... А мы вот к дяде Славе, проведать, и пирогов принесли, с малиной. – Принялась щебетать она, протягивая ему для наглядности корзинку с пирогами. – Вы же, наверняка, знаете, что он вдовец. Живет один бобылем. Ему и пироги испечь некому. А ведь мы, можно сказать с Полиной на его коленях выросли. Кому, как не нам, позаботиться об одиноком старике. – И она, прямо на глазах, из жгучей красотки Кармен моментально перевоплотилась в мать Терезу, скромно опустив очи долу. И тут же, практически, без перехода, с загадочной улыбкой Джоконды, промурлыкала. – Угощайтесь пирожком. Он с малиной...

Я просто уже не успевала следить за сменой ее образов. Судя по несколько растерянному взгляду Егора, он тоже слегка опешил от такого натиска мимики и улыбок. Повисла

---

² Элиза Дулитл – героиня пьесы Бернарда Шоу «Пигмалион»

³ Доктор Генри Хиггинс – герой пьесы Бернарда Шоу, который взялся из уличной торговки цветами сделать настоящую леди.

неловкая пауза. И чтобы как-то ее нарушить, я, не заморачиваясь светским политесом, просто спросила:

– А дядя Слава где?

Егор ухватился за мой вопрос, как утопающий хватается за соломинку. Несколько суетливо (что совсем не идет принцу), он заговорил:

– А Петрович сейчас у себя, чай собирался приготовить и меня на чай звал... Пойдемте, я вас провожу.

Валька слегка нахмурилась из-за нарушенного сценария, но тут же взяла себя в руки и пропела:

– Вот и славно. Как раз пирожки вам будут кстати... – И нисколько не церемонясь подхватила Егора под руку и начала опять разливаться соловьем:

– Ах, как здесь у вас все налажено! Неужели вы сами тут работаете? Наверное, у вас и другие дела есть? А вы тут, с этой стройкой... – И она, с видом светской львицы, сморщив носик, повела неопределенно в сторону рукой, наверное, этим жестом желая проиллюстрировать свою мысль, о том, что принцам и принцессам не пристало самим заниматься «грязной» работой. Не дожидаясь ответа от Егора, она продолжила засыпать его вопросами. – А кем вы работаете? Ой, только не говорите, что вы строитель! – Она изобразила легкий испуг, граничащий с паникой. – Никогда в это не поверю...

Егор, уже оправившись от волны Валькиного натиска, со снисходительной усмешкой все же сумел вставить:

– Я инженер-механик...

От неожиданности, я бы даже сказала, от легкого разочарования, Валька слегка даже притормозила. На ее лице была так явно видна растерянность, что Егор, не выдержав, звонко рассмеялся.

– Что, не оправдал ваших надежд?

Валентина все еще продолжала хлопать ресницами, а он, взяв ее за руку, повел, как козу на веревочке, приговаривая при этом:

– Пойдемте, пойдемте... Надеюсь, не смотря на свою профессию, я могу претендовать хотя бы на один пирожок.

Валюхина стратегия сыпалась прямо на глазах. Но не тот полководец, что сбежит с поле боя, если что-то пойдет не по его плану. А тот, который сумеет перегруппироваться и вновь рвануть в атаку. Вот подруга, быстро перегруппировавшись, и рванула.

– Ой, Егор.... Какая у вас прекрасная специальность. А главное, всегда востребованная. Людям всегда нужно что-то ремонтировать... – Но, в области инженерной механики Валька была не сильна, и, понимая это, перешла на другую тему. – А вы здесь потом собираетесь жить, или опять в город уедите?

Егор с легкой, несколько снисходительной улыбкой посмотрел на подругу, и коротко ответил:

– Я пока не решил...

Похоже, «боекомплект» у Валюхи подходил к концу, и она

нерешительно проговорила:

– Конечно... Что вам в нашей глуши делать. Так, на лето отдохнуть от города только если приехать.

А меня его снисходительность почти взбесила. Мне было жалко Валюху до слез, с ее восторженными мечтами и не сбыточными надеждами. Все ее жалкие попытки во что бы то ни стало ему понравиться, все ее «стратегии» и «тактики» заодно, он раскусил на раз. И теперь, просто подыгрывал ей, наслаждаясь этой игрой, как кот наслаждается забавой с мышью. И чувствовалось, что в этой игре он был мастером, и Валентине здесь точно ничего не «светит».

Тем временем, мы подошли к дворницкой. Открыв дверь, Егор громко провозгласил:

– Петрович! Гляди, каких гостей я тебе привел, да еще с пирогами.

Дядя Слава, хлопотавший возле стола, накрывая его к чаю, радостно потер руки:

– О, девчонки!!! Заходите, заходите... – Увидев корзинку, уже перекочевавшую из рук подруги в руки Егора, восторженно проговорил: – Неужто, Полинка, ты свои знаменитые пироги испекла с малиной для старика? Как же, как же, помню... ты когда стряпать начинала, а ведь еще совсем девчонкой малолетней была, так Иван, дед твой, царствие ему небесной, – он набожно подвел глаза кверху, – всю улицу угощал. Рецепт-то бабки твоей, покойницы. Знаменитый рецепт...

Я, вздохнув, посмотрела на подругу. Вот и последняя «наживка на принца» приказала долго жить. Валюха закусил губу, чтобы не разреветься, и с тяжелым вздохом, больше напоминавшем стон, уселась на топчан. Вид имела по пословице «сгорел сарай – гори и хата». Егор оглядел скромный стол, и озадачено проговорил:

– Вот только кружек у нас маловато. Я сейчас... – И развернувшись выскочил из комнатки.

А я решила, что более подходящего момента, чтобы задать дяде Славе свои вопросы без посторонних ушей у меня не будет. Достала спрятанное в карман платья старое фото, и, протянув ему, спросила:

– Дядя Слава, а ты случайно не знаешь, кто это на фотографии рядом с моим дедом стоит?

Старик, вытерев руки о свою старенькую тужурку, взял фотографию заскорузлыми от работы пальцами, и, прищурившись, стал ее то отодвигать то подальше от себя, то приближая ее чуть ли не к самому носу. Потом, вздохнув тяжело, покаянно проговорил:

– Нет, девки, без очков не разглядеть. Валентина, глянь там, рядом с топчаном ящик с газетами. Может там мои очки?

Мы с Валькой кинулись на поиски. Наконец, под ящиком, служившим, видимо, хозяину каморки тумбочкой, мы их обнаружили. Я протянула очки дяде Славе, и чуть ли не пританцовывая от возбужденного нетерпения, встала у него

за спиной. Валька пристроилась со мной рядом, и мы стали вместе сопеть ему над ухом. Дядя Слава неторопливо напялил очки на нос, и стал внимательно смотреть на фотографию. Потом пожевал губами, помычал невнятно в раздумьях, и, наконец, радостно провозгласил:

– Так это ж никак Любка! Любка Соболева! Дочка нашего директора зверосовхоза!

Я разочаровано выдохнула. Это имя мне ни о чем не говорило. Когда я стала приезжать к деду на каникулы, никакого зверосовхоза тут уже и в помине не было. Я была несколько раздосадована на себя. С чего я решила, что дядя Слава, увидев эту девушку на фотографии откроет мне все тайны земные?! Видимо, из-за этой своей досады, а может быть из-за внимания, с которым мы все вместе смотрели на фотографию, мы не услышали, как в комнате появился Егор. Он подошел совсем неслышно, и я вздрогнула, когда услышала из-за спины его, почему-то сразу охрипший голос:

– Откуда у вас это фото?

Мы все втроем резко обернулись. Лицо у парня сделалось суровым, и та затаенная боль, которую я заметила в первый день нашего знакомства в его глазах, вдруг выплеснулась наружу. И у меня вдруг, не то от бабской какой-то жалости, не то от испуга, сжалось сердце. Он протянул руку и взял из внезапно задрожавших пальцев дяди Славы, фотографию. Мы молчали, как пришибленные. А он, стал внимательно рассматривать старую пожелтевшую от времени фо-

тографию. Первой от ступора очнулась Валентина.

— А ты знаешь, что это за девушка рядом с дедом Иваном?

Егор, помолчав еще несколько секунд, будто раздумывая, отвечать или нет на заданный подругой вопрос, тихо проговорил:

— Это моя мама...

Сказать, что мы удивились, это значит, ничего не сказать. Мы просто впали в столбняк. Первой в себя пришла Вальуха. Но, все, что ей удалось сказать на выдохе, это было протяжное «иди ты!». Дядя Слава в отличие от нас сохранил полное спокойствие. Задумчиво покивал головой, и проговорил тихо:

— Да, да... Помнится еще ее отец замуж выдал против воли за какого-то деятеля... Тогда таких было много, только не каждому наверх удавалось пробиться.

Егор, нахмурившись, посмотрел на старика, и под его взглядом, дядя Слава, кажется даже ростом стал ниже. Понятное дело, кому понравится, когда его родителей так вот обсуждают посторонние люди.

Валька вдруг обрела дар речи, и с интонацией Мюллера, обращающегося к Штирлицу, прищулив один глаз, спросила:

— А почему твоя мама стоит на фото рядом с нашим дедом Иваном?

Егор с недоумением посмотрел на Валентину, и ответил растерянно:

– Я не знаю... И этого... вашего деда Ивана я тоже не знаю. Мама никогда не рассказывала о нем. А кто он?

Валька быстро глянула на меня, словно спрашивая позволения рассказать «кто такой дед Иван». А я, по-прежнему, стояла столбом, и мысли в моей голове крутились, словно зимняя поземка в феврале. Не дождавшись от меня ничего вразумительного, она тяжело и скорбно вздохнула, и ответила:

– Это дед Полинки. Он три дня тому назад умер... Царствие ему небесное... – И подруга подвела глаза кверху, словно старалась увидеть это самое «Царствие». А дядя Слава тихонько закрестился мелким крестиком, чуть отвернувшись в сторону, надо полагать, чтобы никто не заметил.

Егор посмотрел на меня, будто ожидая каких-либо объяснений на эту тему. Я пожала плечами, на его взгляд, и спросила сама:

– А ты не можешь маму свою спросить, почему она сфотографировалась с моим дедом?

Егора мой вопрос почему-то напряг. Он насупился и буркнул в ответ:

– Не могу...

Валька, было, начала его уговаривать:

– Ну почему? Вопрос то простенький...

Егор резко повернулся к подруге, и, глядя на нее глазами больной собаки, проговорил тихо:

– Мама умерла, когда мне было шестнадцать... – И, боль-

ше не произнеся ни слова, молча вышел из дворницкой.

В каморке наступила тишина. Все почувствовали какую-то неловкость. Я посмотрела на дядю Славу:

– Дядь Слава, расскажи, что знаешь об этой женщине...

Старик вздохнул, и проговорил ворчливо:

– Ох, девки.... Не лезли бы вы в эту историю... Добра не будет...

Его слова, естественно, возымели совершенно противоположный эффект. «Залезть» захотелось с невероятной силой. Увидев наши горящие взгляды, направленные на него, дядя Слава крикнул от досады, поняв, какую ошибку допустил. Но, слово – не воробей..., ну и все остальное. Вздохнул тяжело и проговорил:

– Ну давайте, что ли, чая тогда уж попьем. За чаем как-то легче вести беседу.

Мы с готовностью закивали головами, полностью поддерживая это его предложение. Он не спеша разлил чай по кружкам, и, словно испытывая наше терпение, неторопливо взял пирожок из корзинки и принялся его жевать, да при этом, нахваливать мои кулинарные способности. Я, чтобы не взорваться от нетерпения, сцепила зубы и через них цедила чай, выразительно посматривая на старика. Но он, не замечая моих взглядов, потянулся за другим пирожком. И это продолжалось до третьего пирожка, пока у Валюхи не кончилось терпение.

– Дядь Слава!!! Ну мочи же никакой уже нет!!! Мы ж тебе

пирожки принесли и обратно не заберем! Рассказывай уже!!

Собственно, я с подругой была полностью согласна, но она не жила с дедом, как я, и поэтому не знала, что чем больше стариков торопить, тем медленнее они будут двигаться. При чем, неважно, в прямом смысле или в переносном использовать это слово «двигаться». Дядя Слава, спокойно откусил от третьего пирожка, и, тщательно прожевав, назидательно проговорил:

– Вам, молодым, все быстро надо... А про поговорку «Поспешишь – людей насмешишь», вы забываете. Мне же вспомнить все как следует надо, сколь годков-то уже прошло. Кое-что и забылось. Да и пирожки вкусные, просто язык проглотить! Молодец Полинка, руки золотые... – И сурово глянул на Валюху, тем самым давая ей понять, что ее-то руки точно совсем из другого материала сделаны.

Но мою подругу укоризненными взглядами остановить было трудно. Она была похожа на бульдозер: чем больше препятствий на пути, тем большие усилия она вкладывала в их преодоление. Мстительно сощурившись, она протянула:

– Ну, ну... Придешь ты ко мне в больницу уколы ставить, когда спину прихватит...

Дядя Слава от такого заявления аж пирожком подавился, закашлялся надсадно, а я принялась по спине его стучать, глядя укоризненно на подругу. Прокашлявшись, он отхлебнул из своей кружки, вытер пальцами рот, и, осуждающе проговорил:

– Ну Валентина... Не баба – танк!

Валька, ни разу не смутившись, победно глянула на меня и лихо подмигнула, мол, знай наших.

Дядя Слава взял фотографию, которая после ухода Егора так и осталась лежать на столе, посмотрел на нее внимательно, а потом обвел нас взглядом и проговорил как-то печально.

– Любка Соболева была первой любовью твоего отца, Юрия. – Я сидела, глядела на него и только глазами хлопала. До сего момента я всегда думала, что первой и единственной любовью моего папы была моя мама. И то, что говорил дядя Слава было для меня великой новостью. Хотя... Ничего особо предосудительного в этом факте я пока не находила. А старик продолжил говорить. – Уж какая у них была любовь, ты меня Полюшка прости, но от нее, от этой их любви все лампочки в деревне светились. Правда, отец у Любки был человек жесткий, если не сказать жестокий. Уж не знаю, что там у них в семье было, но чувствовалось, что девка от этого страдала. Вот она частенько к деду Ивану и бегала, особенно уже после того, как Юрка в армию ушел. И дед ее твой привечал, как родную, чуть ли не невесткой считал. А потом, бац-трах, ее папашка взял и выдал ее замуж за этого деятеля. Видать, не хотел зятя из простой семьи.

Дядя Слава замолчал, как видно, задумался о прошлом. Взгляд его сделался тоскливым. Все это, конечно, было для меня полнейшей неожиданностью, но совсем не отвечало на

все вопросы, которые последнее время не давали мне покоя. Валуха, которая долго молчать попросту не умела, опять принялась приставать к старику.

– Дядь Слава, а как мать Егора умерла?

Направление ее любопытства было мне вполне понятно. Но я знала наверняка, что в виде привидения приходила ко мне не эта женщина. Но Валька-то «мой» призрак не видела, вот и старалась. Дядя Слава, будто очнувшись от своих невеселых мыслей, посмотрел с удивлением на Вальку, и проговорил обычным голосом:

– Так, несчастный случай получился. Она вот здесь, у нас, в смысле в нашем поселке и погибла. Говорят, что с лестницы упала. Егору как раз на тот момент шестнадцать годков сравнялось. Отец его отсюда и отправил в город, к какой-то не то тетке, не то бабке двоюродной по матери. Видать, мальцу в их доме все о матери напоминало, так вот, чтобы шибко не переживал, отец и услал его. А потом и сам уехал, говорят на повышение пошел. А дом тут, у нас в поселке, так и остался стоять. Он только сам на лето сюда приезжал. А Егора я больше здесь у нас и не видел вот до этого года. Он и сейчас, когда отстраивать начали эту усадьбу, в тот, свой дом-то, даже и ночевать не ходит. Здесь комнатку на втором этаже обустроил, тут в усадьбе и ночует. Видно, вспоминать ему до сих пор тяжело. – И добавил как-то печально, будто самому себе. – Его понять можно...

Мы посидели немного в каком-то скорбном молчании, и

я все же решила еще спросить.

— Дядя Слава, а что ты говорил, будто с этим домом что-то не ладно? Ты что имел в виду?

Старик хмуро посмотрел на нас, и пробурчал:

— Да это я так, сдуру ляпнул...

Валька улыбнулась, как лиса, которая зайца в угол загнала, и протянула:

— Дядя Слава... Не темни... Ты сказал, мы слышали. Давай, колись...

Ему это совсем не понравилось, ни Валькина улыбка, ни ее интонации. Он еще сильнее нахмурился, и ворчливо проговорил:

— Да я сам еще как следует не разобрался. Когда еще строители не приехали, я ж тут один караулил. Так вот, иногда, на втором этаже вроде бы свет горел. — Он внезапно перешел на шепот. — А Жучка, так даже и не тявкала. Скулила и все к моим ногам жалась.

Подруга подалась чуть вперед, и, округлив глаза зловещим шепотом выдала:

— Привидение...

Мы с дядей Славой оба на нее посмотрели. Он с недоумением, а я с особым зверским выражением. Но мне показалось этого недостаточно для Валентины, и я продемонстрировала ей снизу кулак, но так, чтобы старик не заметил. А то еще кинется про мое привидение всем рассказывать, что уж совсем было бы лишним. А дядя Слава поморгал на нее

немного растерянно, и спросил:

– Почему, привидение? Не-е-е... Живой человек ходил. Я на ту пору берданку-то в сторожке оставил. А без берданки боязно стало туда идти. Доброму человеку в пустом доме делать точно нечего. Пока за ружьем-то вернулся, вышел, а уже все кругом тихо, и никакого света нигде не видать. Еще потом звуки разные ночью слышал. Вроде как, камень о камень скрипит. Днем схожу гляну, вроде, все на месте. Я, было, хотел его, этого ночного «гостя» подкараулить. Да тут Егор приехал, строителей привез. Так может все и успокоится само собой. Никто больше лазать сюда не будет.

Он, после этих слов, хлопнул ладонями по коленям, и встал. Это был знак, что и нам пора выметаться. Да и больше он уже вряд ли чего интересного мог рассказать. Торопливо попрощавшись с дядей Славой, мы вышли на улицу. Народ весь куда-то со двора подевался. Зато в доме были слышны голоса. Валька покрутила головой по сторонам, как видно, в надежде увидеть еще раз Егора. А я ее потянула за руку:

– Пошли уже, Клеопатра... Видишь, люди делом заняты.

Валька тяжело вздохнула, и проговорила с тоской:

– Даже ведь не попрощались...

Я только хмыкнула в ответ.

Глава 4

Следующий день прошел без особых событий. Валька после последнего похода в усадьбу, как-то сникла, словно из нее, как из воздушного шарика, выпустили весь воздух. Ночевать больше у меня не оставалась, и мы коротали вечера вдвоем с Васькой. Я попыталась успокоить подругу по поводу ее неудавшейся «атаки» на Егора.

– Ты пойми, он парень непростой. К нему нужно другой подход искать. Такими «махновскими» наскоками его не взять.

Валюха на меня сердито глянула:

– Ага... Другой подход!!! Тебе вон и подходов искать не нужно...

Я на нее захлопала ресницами и с недоумением спросила:

– Ты это о чем?

Валька шмыгнула носом и пробурчала себе под нос:

– Думаешь, я не видела, как он на тебя смотрит?

Я несколько оторопела от ее заявления:

– Ты чего, подруга... Как он на меня смотрит? Да он никак на меня не смотрит, как, впрочем, и я на него. Ты же знаешь мое отношение к таким вот «красавчикам». Не люблю я их...

Подруга глянула на меня искоса, и опять пробурчала, словно ребенок, который старался, читал стишок, стоя на табуретке, а Дед Мороз ему подарка не дал:

– Да... Ты-то не смотришь, зато он смотрит, когда думает, что ты не видишь...

Я сгребла Вальку в охапку, прижала ее к себе.

– Валюха, тебе просто так показалось. Выкинь всю эту глупость из головы! Если это твое, то никуда он от тебя не денется. А если не твое, то и держать не стоит, пускай себе идет с Богом. И вообще, мне сейчас не до новых романов...

Подруга выбралась из моих объятий, и в глазах ее зажегся огонек любопытства. Она, почему-то шепотом, спросила:

– Что... ОНА опять приходила?

Я помотала головой:

– Да, вроде бы нет... Но мне и одного раза за глаза... У деда завтра девять дней. Нужно обед приготовить, да и дом надо в порядок привести. И я по-прежнему не знаю, как мне эту ее туфельку искать, то есть, убийцу. Даже с какого конца и куда подходить не представляю. Думала, дядя Слава прольет хоть какой-нибудь свет на эту историю. Но ничего стоящего он не рассказал. По крайней мере, ничего такого, что можно было бы привязать к той, давней истории на чердаке. По-прежнему непонятно, кем был тот мужик, да и кто у него завернут в ковре тоже неясно. – Мне вдруг пришла в голову мысль. – Слушай, Валентина, ты говорила, что наш, из «разбойников», Колька Кирьянов где-то в городе в чинах каких-то там ходит. Так может к нему обратиться, вдруг он чем поможет? Конечно, тогда милиция этим делом не занималась, но ведь тогда, человек должен был пропасть. А ми-

лиция всех пропавших на учете держит. Может и наша барышня таким образом найдется. Мы знаем точно, что это молодая девушка, и жила она где-то здесь. Скорее всего, конечно, из приезжих дачников. Потому что, если бы своя, из поселка пропала, то все бы об этом знали и искали. Ясно, что она из приезжих. А приезжие-то все из города. А значит, там она должна числиться пропавшей. Есть же у нее родственники какие-то в конце концов?

Валька задумчиво ковыряла какую-то дырку на моем столе, и кивала в такт моим словам головой. Когда я закончила, она задумчиво проговорила:

– А знаешь, у меня где-то его телефончик был, домашний. Он когда лет пять назад приезжал, оставлял. Сказал, мол, если вдруг в город приеду, чтоб позвонила. Встретимся, говорит, то, да се... – Закончила она как-то неопределенно.

Я с подозрением покосилась на подругу.

– Что «то, да се»? – Валька как-то несерьезно хихикнула и покраснела, что уж вовсе было на нее непохоже. Я подступила к ней с вопросом. – А ну, колись давай. Что? Поди и с Колькой шуры-муры закрутила? Помниться, он тебя всегда в нашей компании выделял. Конфеты все тебе таскал.

Подруга опять хихикнула, но под моим строгим взглядом смутилась, и заговорила в притворном раздражении:

– Ой, ну скажешь, тоже... Колька – жених... Вот умора!!! – Я продолжала сверлить ее взглядом, и она сдалась. – Ну было, маленько... Так, ничего особенного. В кино сходи-

ли в клуб пару раз, один раз на танцы. Проводил до дома – вот и вся песня. Потом он уехал в свой город, про меня и думать забыл. У него там, поди, девок – пруд пруди. Сама знаешь, как оно там. – И она подмигнула мне, словно на что-то намекая.

Я усмехнулась:

– Ну насчет девок, которых «пруд-пруди» я не в курсе. Но народу там и вправду полно. Наверное, среди них есть и девки...

И мы принялись с ней смеяться.

Наше веселье прервал вдруг стук в дверь, я бы сказала, такой деликатный. Мы переглянулись с ней.

– Ждешь кого-нибудь? – Валька выглядела почему-то напуганной.

Я пожала плечами.

– Да, вроде, никто не грозился зайти.

Встала и пошла открывать дверь. Подруга мне вслед прошипела:

– Ты там смотри, осторожней. Ночь на дворе... Мало ли...

Я только удивленно на нее глянула и вышла в сени. Включила свет на улице и открыла дверь. На крыльце стоял... Егор. Вот уж гость неожиданный. Видимо, вид у меня был несколько растерянный, потому что, он смутился и стал говорить быстрой скороговоркой, наверное, решив, что я сейчас у него перед носом дверь захлопну:

– Здравствуй... Ты извини, что поздно и без приглаше-

ния. Мне с тобой поговорить нужно... – И вопросительно уставился на меня.

Я быстренько взяла себя в руки, вспомнив вовремя поговорку «гость в дом – Бог в дом», открыла пошире дверь, и проговорила:

– Проходи...

Он бочком протиснулся мимо меня, смущаясь как красна девица, что при его-то ... данных было весьма и весьма удивительно.

Когда мы вошли в комнату, то застали Валентину в странной позе. Она стояла посредине комнаты с колотушкой для раскатыванья теста в руках. Интересно, кого она ожидала увидеть? Судя по ее приготовлениям, какого-то супостата, не иначе, но уж точно, не того, кого увидела. Узрев Егора, она несколько подрастеряла свой пыл и быстро, спрятала колотушку за спину, и как-то жалобно проблеяла:

– Здрасьте...

Он поздоровался в ответ, но взгляд был каким-то удивленно-растерянным. Скорее всего, подумал, что мы на пару с подругой тут того... этого... В общем, ничего хорошего точно не подумал. Я, на правах хозяйки, предложила гостю присесть, на что он опять быстро затараторил:

– Я на минуточку... Хотел только попросить у тебя ту фотографию, которую ты Петровичу показывала. Я завтра в город рано утром уезжаю, хотел отдать ее в ателье, чтобы пересняли. У меня нет такой фотографии мамы, и я хотел бы

ее иметь. — Я собралась ему ответить, но он не дал мне такой возможности, быстро проговорив: — Не волнуйся, я вернусь через несколько дней и верну тебе фото в полной целостности и сохранности.

Произнес он последнюю фразу так, что было не совсем понятно по какому поводу я должна «не волноваться», то ли из-за его отъезда, то ли из-за фотографии. Молча, не говоря ни слова, я отправилась в свою комнату и вынесла фото. Протянула ему кусочек пожелтевшего картона и почему-то проговорила:

— Понимаю тебя. Я бы тоже..., — запнулась на полуслове. Егор смотрел на меня пристально, ожидая продолжения фразы. А у меня слова словно застряли в горле, и я с трудом выдавила. — Я бы тоже хотела иметь фото своих родителей, которого у меня раньше не было.

Он молча кивнул головой и уже совсем собрался уходить, ка я попросила:

— Отпусти, пожалуйста, дядю Славу завтра на обед ко мне. Деду три дня, а он даже на похороны не сумел прийти, все вашу усадьбу караулил.

Егор в дверях притормозил, брови у него слегка вздернулись, и он ответил:

— Так Петрович у меня сегодня отпросился на завтрашний день. Сказал, у него какие-то дела. Наверное, поэтому и отпросился. — И не прощаясь вышел, осторожно прикрыв за собой дверь.

На протяжении всего непродолжительного визита, Валька сидела и молчала, словно в рот воды набрала. А как только за Егором закрылась дверь, она шумно выдохнула, достала из-за спины скалку, которую прятала все это время, грохнула ее об стол и почти простонала:

– Ну... Что я говорила?

Мы с ней начали спорить. Она старалась мне доказать, что Егор «положил на меня глаз», а я пыталась ей объяснить, что это несусветная глупость. В конце концов, я схватила скалку, и, похлопывая ею по руке, проговорила:

– Так... На дворе уже ночь, пора спать. Если ты намерена и дальше продолжать этот дурацкий спор, то можешь продолжить его с Васькой. А я пошла спать. Завтра предстоит хлопотный день. И еще... если ты останешься ночевать, то спать будешь в другой комнате. В прошлый раз, ты храпела и не давала мне уснуть.

Не знаю, что оказало на нее большее влияние, моя пламенная речь или скалка в руке, но Валька обиженно надула губы и проворчала:

– И ничего я не храпела... – После чего послушно поплелась в другую комнату.

Некоторое время оттуда еще доносилось ее ворчание, но вскоре все затихло.

На обед пришло несколько старушек-соседок, а вот дядя Слава не пришел. Не знаю почему, но это меня очень беспокоило. После обеда мы с Валькой вдвоем отправились на

кладбище, и подруга заметила:

– Слушай, а дядя Слава-то так и не явился. Интересно, из-за каких таких дел он отпрапросился с работы, а на поминки так и не пришел?

Я пожала плечами:

– Ну, мало ли...

Но беспокойство одолевало меня все сильнее и сильнее, хотя, я, как могла, старалась это скрыть.

Вечером мое состояние достигло апогея. Хотя, с чего бы это вдруг? Ну, ушел дядя Слава по делам. Мало ли какие у человека могут быть дела... А голос внутри меня ехидненько так проскрипел: «Ага... Огород пошел копать, который отродясь не выращивал...» Как назло, Валентину вызвали на работу. Какая-то старушка приболела, и ей потребовалось вмешательство медицины в лице нашей Валентины. Это я к тому, что поделиться мне своим беспокойством было не с кем. Васька, само собой, был не в счет. В общем, не выдержав, я решила вечером отправиться домой к дяде Славе.

Еще издали, я увидела большой замок на двери его дома, и кошки на душе заскребли всеми когтями, на всех четырех лапах одновременно. Но на всякий случай, я подошла к калитке и покричала:

– Дядя Слава, ты дома?

Зачем звала, я и сама не знаю, и так было видно, что дома никого нет. Но у меня теплилась слабая надежда, что вдруг он где-нибудь в сарае чем-нибудь там занимается? А мыс-

ленно, сама себе ответила: «Ага... На ночь глядя в сарае чем-нибудь занимается, да еще и Жучке лапы связал и пасть за-ткнул, чтобы не бегала и не гавкала!» Чья-то рука легла мне на плечо, и я от неожиданности подпрыгнула на месте. Так увлеклась своими переживаниями, что не услышала, как ко мне подошла Валентина. Подруга смотрела на меня с некоторым испугом:

– Ты чего тут... орешь на всю деревню? Не видишь, замок висит? Он, поди, уже на свой «пост» вернулся, и сейчас чай распивает. А ты тут мечешься...

Слегка отдышавшись от пережитого испуга, я сквозь зубы выругалась:

– Валька...! Чтоб тебя...!!! Так и до инфаркта довести можно! Чего подкрадываешься, словно тать в ночи?

Подруга виновато хлопнула на меня ресницами, и стала оправдываться:

– Да ничего я не подкрадываюсь. Вот, собралась к тебе идти, а тут гляжу, ты сама пришла, стоишь и орешь. Я и решила полюбопытствовать, какой на тебя стих напал. А пугать я и вовсе не хотела...

Я прервала ее излияния.

– Ладно, поняла я... – Задумавшись на несколько мгновений, я решительно проговорила: – Мы должны пойти сейчас в усадьбу и проверить, вернулся ли дядя Слава.

Валентина уставилась на меня, будто я сказала какую-то глупость.

– Ты серьезно?!

Я кивнула головой.

– Серьезней некуда. Не нравится мне все это. Куда, потвоему, мог деться старик, у которого ни кола, ни двора, ни ребенка, ни котенка? – Потом я покосилась на дом дяди Славы, и поправилась. – Я хотела сказать, что кроме собачки Жучки у него никого нет. И какие у него могут быть еще дела, если он не пришел на поминки, да и, судя по всему, и домой тоже. Так что, нужно идти... – И, развернувшись, я решительно зашагала в сторону усадьбы.

Валентина, постояв в нерешительности несколько секунд, рванула за мной, и схватила меня за руку.

– Постой!!! Давай я хоть фонарь захвачу. Скоро уже ночь непроглядная наступит. Мы с тобой в темноте лбы расшибем...!

Предложение подруги было не лишено здравого смысла. Я остановилась.

– Дуй за фонарем! Я тебя здесь подожду...

Валька метнулась к своему двору, а я осталась ждать ее на месте, по-прежнему, пытаюсь придумать повод, почему дядя Слава не пришел сегодня к деду на поминки. Ничего хорошего не придумывалось. Ну не видела я никакого такого благовидного предлога, почему он не появился ни у меня дома, ни на кладбище! На душе сделалось совсем неуютно. Что же такого могло с ним приключиться, черт побери?! Пока я так размышляла, появилась Валентина. В руках был старенький

фонарь, и вид у нее был весьма решительный. Чуть отдыхаясь от быстрого бега, она, как солдат перед боевым заданием, четко проговорила:

– Ну, я готова, пошли...

И бодро зашагала впереди меня. Такая смелость меня несколько озадачила, но я поспешила за подругой, а то она сейчас там ворота сметет с такой-то решимостью. А кому восстанавливать? Вот, то-то же и оно.

Усадьба нас встретила темными окнами и закрытыми воротами. Это несколько нас насторожило. Почему-то шепотом, Валька спросила:

– А куда все строители подевались?

Ответа на этот вопрос я не знала и просто пожала плечами. Но потом сообразила, что моего жеста Валентина видеть не могла по причине: во-первых, крошечной темноты, а во-вторых, потому что, я стояла несколько позади нее. Поэтому проговорила:

– Понятия не имею. Может, вместе с Егором опять в город уехали за какими-нибудь материалами.

Поглазев еще несколько минут на закрытые ворота, мы пошли вдоль забора к месту, где была щель «для своих». Благополучно ее миновав, мы осторожно, словно индейцы в дозоре, стали пробираться ко входу в дворницкую. Света там тоже не было.

– Может, дядя Слава лег уже спать? – Прошептала подружка, озираясь по сторонам, словно опасаясь, что нас может

кто-нибудь подслушать.

– Ага... Сейчас... В такую-то рань... Еще только десять часов. Но, в любом случае, лучше убедиться. Если и разбудим, думаю, ничего страшного не произойдет. Ну подумаешь, поворчит маленько. Делов-то! Но думаю, в дворницкой никого нет. Иначе, Жучка давно уже хоть разок, да тявкнула бы...

Мы подошли к дверям, и Валентина постучала. Сначала тихонько так, я бы сказала, даже деликатно. Не дождавшись никакого отклика, потеряв всю деликатность, она повернулась спиной к дверям и стала тарабанить ногой. Я еле ее урезонила.

– Да перестань ты!! Пол округи бы уже разбудила, если бы она спала, эта самая округа! Нет там никого! И так понятно...

Валька озадачено посмотрела на двери и проговорила страшным голосом:

– А вдруг там дяде Славе с сердцем плохо стало, а помочь некому?

Я тяжело вздохнула:

– Об инфарктах у собак я ничего не слышала. А ты?

– Чего? – В недоумении протянула она. – При чем здесь собаки?! Я тебе про дядю Славу толкую, а она мне про собак!

Я слегка разозлилась, и в тон ей ответила:

– Да, того!! Дяде Славе с сердцем стало плохо, а Жучка тогда где? Тоже с приступом рядом лежит? – До Валентины,

наконец, дошло.

– Точно... Я про Жучку забыла как-то...

Мы еще постояли несколько минут безо всякого толка разглядывая дверь. Валька шмыгнула носом.

– Ну, и чего теперь делать? Где его искать-то?

Я напряженно думала, пытаюсь сообразить, куда бежать. К нашему участковому? Так он над нами просто посмеется. И тут мне в голову пришла идея.

– Вот что... Давай обратно в деревню. Ты позвонишь сейчас Кольке. По крайней мере, он может посоветовать, что нам теперь делать.

Валька попыталась прикинуться дурочкой:

– Это какому такому Кольке?

Я тихонько рыкнула на нее:

– Какому, какому... Кириянову, конечно! И не вздумай юлить и прикидываться дурочкой. Видишь какая у нас тут ситуация складывается. А ты сама знаешь, дядя Слава одинокий, о нем и побеспокоиться-то некому, кроме Жучки да нас. Жучка в данной обстановке – не в счет...

Говоря это, я еще тогда не знала, в какой «счет» окажется Жучка. Можно сказать, в самый главный «счет».

Глава 5

Мы еще походили немного кругами по двору усадьбы. Внутрь заходить очень не хотелось. Темные провалы окон скалились из темноты белыми облезлыми рамами, нагоняя на нас жуть. Слабый ночной ветерок шелестел в кронах столетних лип над головой, будто кто-то шептал нам сверху о чем-то, никак этим не добавляя нам оптимизма. В общем, мы поспешили из усадьбы убраться. И направились напрямик в фельдшерский пункт, где был телефон. Вальке, правда, пришлось еще раз мотануться домой и взять записную книжку с телефоном Кольки. Набирая номер на старом аппарате, она ворчала:

– Сколько годков не звонила, а сейчас: здрасьте вам, объявилась... Что он подумает? А вдруг, он уже переехал в какую другую квартиру?

Я только отмахнулась от нее:

– Не о том думаешь, подруга... У нас может уже какая беда случилась. А ты «что подумает». Да пофигу, что он подумает, лишь бы помог!

С тяжелым вздохом она набрала последнюю цифру, и мы обе приникли к трубке. Как и положено раздались длинные гудки. Мы слушали их в напряжении, как будто, от того, возьмет на том конце кто-нибудь трубку или нет, зависела наша жизнь. Когда уже наша надежда на ответ почти истая-

ла, мужской недовольный голос в трубке резко проговорил:
– Кирьянов слушает! – Мы с Валюхой испуганно посмотрели друг на друга, будто сразу обе потеряли дар речи. Еще более недовольный голос на том конце проговорил: – Слушаю! Говорите!!

Я опомнилась первой и шикнула на подругу:

– Ну!! Говори...!!!

Валентина трудно сглотнула и заблеяла:

– Коль, это ты?

На том конце последовала короткая пауза, и голос спросил:

– Кто это?

Валентина стала на глазах приходить в себя, принявшись щебетать.

– Коль, это Валентина, помнишь меня... – Это было произнесено таким голосом, что если бы у Кольки вдруг, по неведомой причине случилась амнезия, и он забыл даже, как его зовут, то после подобной интонации сразу бы вспомнил, кто такая Валентина.

Они принялись обмениваться репликами, на тему «как дела, как погода, как настроение» и прочее. Я, сдерживаясь изо всех сил, терпела сколько могла. Но когда пошли воспоминания об их последней встрече, и Валентина принялась совершенно неприлично хихикать (из чего я сделала заключение, что обычным провожением до дому после танцев, у них дело не ограничилось), мое терпение иссякло. Я совер-

шенно бесцеремонно выхватила у Валентины из рук трубку и быстро проговорила:

– Коль, привет, это Полина. Надеюсь, меня ты тоже помнишь.

Колька на том конце аж поперхнулся от неожиданности, но мямлить не стал, а серьезно проговорил:

– Конечно! Как можно было забыть нашу атаманшу «разбойников»! – Видимо, в моей интонации что-то такое было, что он сразу же спросил. – Девчонки, у вас что, проблемы какие-то?

Я на мгновение задумалась. Как по телефону можно рассказать обо всем, что у нас здесь творится? Поэтому ограничилась сжатым повествованием:

– Помнишь соседа Валентины, дядю Славу? – Услышав на свой вопрос утвердительный ответ, продолжила. – Так вот, он пропал при загадочных обстоятельствах. И мы волнуемся, как бы с ним беды какой не приключилось.

В трубке послышалось сопение, а потом голос спросил:

– А есть предрасположенность к беде?

Эк, загнул! Сразу чувствуется, ответственный работник. Правда, работник чего, я так пока и не прояснила. Но посчитала сейчас это выяснять не ко времени, и просто проговорила:

– Коль, нужна твоя помощь и совет. В двух словах по телефону всего не расскажешь. Ты не мог бы приехать? – И сразу, не дожидаясь его ответа, затараторила. – Все понимаю, ты

человек, наверняка, занятой. Но дело серьезное, и доверить его абы кому мы не можем. Так как?

Опять сопение, и короткое:

– Хорошо, завтра утром приеду, ждите... – И потом уже более лирическое. – Давно хотел в родных местах побывать. – Затем последовал короткий смешок, и он положил трубку.

Валька даже забыла, что хотела на меня рассердиться, за то, что я у нее трубку забрала. С легким придыханием спросила:

– Что сказал-то?

Я, тоже выдохнув с некоторым облегчением, ответила:

– Сказал завтра утром придет, ждите...

Валька вдруг как-то засуетилась.

– Полька, может ты завтра пирогов своих коронных испечешь? Все-таки, старый друг приезжает, столько лет не делись...

Я на нее уставилась в изумлении.

– В себе ли ты, милая? Или забыла, по какому поводу он приезжает? Тут деда искать надо, впору, народ подымать, а она про пироги... Совсем, матушка, ты на голову слаба стала? А потом, если мне память не изменяет, то ты Егора собиралась охмурять. Или передумала?

Валька стала смотреть на меня, словно мышь на крупу, а потом вдруг, совсем неожиданно, разрыдалась. Размазывая ладоншками слезы по щекам, она, беспрестанно икая и всхли-

пывая, стала выдавать какие-то отдельные фразы:

– Да... Вот так всегда... Всю жизнь... Тут бьешься, бьешься, а они, хоть бы хрен...!!! А что я могу... Я и так... стараюсь... Ну вот скажи, чего им еще надо-о-о... – Взыла она под конец своей диковатой речи.

Я уселась рядом с ней, сгребла ее в охапку и стала, словно маленькую гладить по голове, шепча что-то успокаивающее на тему «все будет хорошо». В фельдшерском пункте было тихо, пахло хлоркой и еще какими-то лекарствами, поблескивали стеклом белые шкафчики, в которых хранились инструменты и какие-то пузырьки. Все это создавало какую-то чудную иллюзию, словно мы с ней совсем остались одни на всем белом свете, а инопланетяне сейчас над нами опыты будут проводить. Господи, какая чушь лезет мне в голову!!! Точно, уже пора нервы лечить! Меж тем, подруга стала затихать в моих объятиях, потом судорожно всхлипнула еще раз, и стала высвобождаться из моих рук. Вытерла ладошкой лицо, и обратилась ко мне с наболевшим для нее вопросом:

– Ну вот, ты Польша умная, так скажи, почему все так... так бестолково, не по уму, а? Или я хочу слишком многого?

Я пожала плечами, и задала ей встречный вопрос:

– Может, ты слишком уж стараешься? Попробуй для разнообразия не стараться, а просто побыть собой. Думаю, так будет лучше. А вообще-то, у кого ты совета спросить решила? У меня у самой в личной жизни полный швах. И вообще...! – Я будто опомнилась. Тут и вправду, хоть народ

подымай по деревне, а мы тут разговоры про несчастную любовь завели. Совсем сбрендили девки, точно! – Пойдем-ка, еще раз, что ли, дом дяди Славы проверим, может вернулся...

Валюха повздыхала еще для приличия, но ситуацию почувствовала, и с моим предложением согласилась. Закрывая фельдшерский пункт, она проворчала:

– Вот смеху будет, если дядя Слава сейчас дома окажется, а мы уже и Кирьянова на уши поставили. Сколько «ласковых» слов нас тогда завтра ждет...

Я, вздохнув, пробурчала:

– Предпочитаю, чтобы все так и было, а «ласковые» Колькины слова я как-нибудь переживу.

У дяди Славы дома никого не было. Собственно, это я так предложила, чтобы хоть чем-то Валентину занять. Сама от этого «похода» ничего не ожидала. Нехорошее, совсем нехорошее предчувствие поселилось где-то в самом солнечном сплетении, мешая дышать полной грудью, и никак не проходило. Наоборот, чем дальше, тем оно все больше усиливалось, и усиливалось, переходя постепенно в тихую панику.

Валентина заявила, что домой ночевать сегодня не пойдет, останется у меня. Примерно это звучало так: «В такие нелегкие и опасные времена стоит держаться вместе.» Так как, против того, чтобы держаться вместе, я ничего не имела, то согласно кивнула головой. Валюха по дороге взялась было опять строить различные предположения, по поводу, ку-

да подевался дядя Слава, но я разговор не поддержала. Это было бесполезно. Бесполезно и глупо. Все равно, мы точных причин не угадаем, потому что слишком мало исходной информации. Попросту говоря, ничегошеньки мы не знаем. Наводило на размышление только одно: старик говорил, что видел, как по старому дому кто-то бродит, и скрежетание камней слышалось. Пожалуй, это было единственная не совсем обычная информация, которая и могла бы привести к каким-нибудь не очень хорошим последствиям. То, что дядя Слава все это придумал, или ему там, что-то показалось – подобные мысли я даже в голову не брала. Слишком уж здравомыслящим человеком он был, во всякие привидения и страшилки вовсе не верил, хотя, с удовольствием мог рассказывать нам какие-нибудь жуткие истории, особенно, о старых временах. Но сейчас идти и проверять старую усадьбу, я бы под страхом смертной казни не решилась. Хотя, честно говоря, я не видела в подобном героизме с нашей стороны особого смысла.

В общем, ничего толкового мы так и не придумали. Дома, выпив на сон грядущий чаю с мятой, мы еще немного погадали на эту тему, и разошлись по комнатам. Валентина, было, хотела продлить посиделки, да я воспротивилась. Поясняя ей, что если она плохо выспится, то завтра у нее под глазами будут черные круги, что, безусловно, девушку не красит. А тут Колька должен приехать, а у нее круги черные. Короче, очевидную связь между двумя событиями я ей яс-

но обозначила, и ушла, не дожидаясь комментариев, в свою спальню. Не знаю, кого я хотела обмануть, но даже чай с мятой не помог мне заснуть. Старалась на кровати не ворочаться, чтобы скрипом пружин не просигналить Валюхе, что я не сплю, а то сразу же притащится, и начнутся «тары-бары». Тогда, точно, до самого утра глаз не сомкнем.

В общем, лежала я так, уставившись в потолок, стараясь особенно не возиться, и уже даже, кажется, начала проваливаться в легкую дрему, когда сквозь этот зыбкий туман подступающего сна, вдруг услышала какой-то, не то скулеж, не то повизгивание. Подумав, что это Валентина опять принялась себя жалеть со всех сил, я залезла под одеяло с головой, стараясь не обращать на ее страдания особого внимания. Тем более, что особого повода и смысла в этих переживаниях я не видела вовсе. Но повизгивание не стихало, напротив стало переходить в какой-то подвывающий звук. На него отозвался мой кот, который заблажил дурным голосом откуда-то из-за печки, не иначе, как в знак солидарности со страдальцей. Разумеется, под подобную какофонию мысли о сне меня совсем покинули.

В несколько раздраженном состоянии, я вылетела в кухню, собираясь сурово вычитать Валентине за ее скулеж посредине ночи. А главное, что без малейшего на то повода, так, блажь какая-то в голову вошла. Так вот, с твердым намерением лишить подругу этой самой блажи, я и двинула в ее спальню, где и столкнулась с ней в дверях нос к носу. Вид

она имела заспанный и слегка перепуганный. При виде меня, она ойкнула, схватилась за сердце и спросила громким шепотом:

– Чего случилось-то?

Я несколько растерялась. Если вид заспанный, то получается, что подруга спала, и проснулась только сейчас. Тогда возникает резонный вопрос: кто скулит? И тут меня словно кто обухом топора по затылку огрел, отчего в голове вспыхнул свет, озаряя очевидность ситуации. На секунду я замерла на месте, потом, включив свет, начала выглядывать фонарь, с которым пришла Валентина. Подруга металась за мной, повторяя:

– Да случилось-то чего? Опять призрак что ли?

Мне ее вопросы слегка поднадоели, и я, замерев уже с фонариком в руке посреди комнаты, особенно не выбирая слов, спросила:

– Слышишь, скулит? – Валька мотнула головой. – А кто у меня под окнами в такой час может скулить? Только Жучка дяди Славы, больше никому. Значит, с ним стряслась беда, надо торопиться!

Надо отдать должное Валентине. Не тратя время на дурацкие вопросы, она, быстрее, чем новобранец в армии оделась секунд за двадцать, и уже стояла в дверях, пританцовывая на месте от нетерпения, ожидая пока я сменю ночную сорочку на штаны и рубашку. Мы, чуть ли не толкаясь в дверях, вылетели на крыльцо, и чуть не споткнулись о рыжень-

кое тельце Жучки. Она заскулила тоненько и жалобно, подняв к нам мордочку. Вся ее шерстка была измазана кровью. Только было не ясно, чья это была кровь, потому что, особых ран на собачонке я не заметила. Мы присели на корточки перед несчастной Жучкой, и Валентина начала ее довольно профессионально осматривать. На мой вопросительный взгляд, тихо ответила:

– Особых травм не вижу. Ушиб сильный грудины, видно пнул кто-то сильно, да ухо порвано, непонятно чем. Отсюда и крови много. А так... день другой отвалится и все будет нормально.

Жучка стала вдруг лизать руки Валюхе и скулить сильнее. А я стала расспрашивать, сама не веря в результативность собственных вопросов:

– Жучка, где твой хозяин? Где дядя Слава?

При упоминании хозяйского имени, собачонка завизжала еще громче и кинулась с крыльца. Не стоило и говорить, что мы, забыв закрыть двери, рванули за ней. Это я, конечно так, для красного словца сказала, что мы «рванули». На самом деле, видно у псины тельце-то болело, потому что двигалась Жучка часто поскуливая, но не то, чтобы уж очень стремительно. В общем, быстрым шагом мы вполне за ней успевали. Понятное дело, к разговорам ни я, ни подруга были особо не расположены. Сердце в буквальном смысле этого слова, замирало от нехороших предчувствий. Какие уж тут разговоры!

Сначала мне показалось, что собака двигается в сторону старой усадьбы, но потом, Жучка сменила траекторию. Я долго не могла сообразить, куда она это нас ведет, пока, в свете фонарика не увидела кладбищенскую ограду. Кусты бузины густо разрослись вдоль кирпичного забора, в котором виднелись провалы. Кирпич раскрошился от времени, и теперь на кладбище можно было попасть, не обходя забор до ворот. Вековые деревья, росшие здесь давали приют множеству пернатых жителей, которые с самого утра и до поздней ночи щебетали и чирикали здесь, наполняя светлой музыкой своих голосов этот последний приют. Но сейчас здесь царил полная тишина. Кладбище наше было очень старым, если не сказать, древним. На нем встречались надгробья датированные аж тысяча семьсот, Бог знает, какого года. Особо знаменитых фамилий, которые можно было бы встретить в учебниках истории, здесь не было. Но граждане, похороненные здесь, безусловно, могли претендовать на свое место в истории нашего поселка.

Могила купца Афанасия Федорова выделялась из всех большим мраморным крестом, возвышавшимся над окружающими захоронениями, и затейливой литой оградой вокруг. Точнее, это была даже не могила, а склеп, в котором был похоронен сам купец и все его семейство. Умерли все почти одновременно, в один год, с небольшой разницей в несколько месяцев. Что с почтенным семейством приключилось, нам было неизвестно, да, если честно, не очень-то мы и интере-

совались этим.

Жучка из последних сил рванула вперед, сразу пропав из виду в зарослях, и через минуту заскулила, заплакала где-то в этих почти непроходимых зеленых дебрях жалобно и тоскливо. Мы, косясь на окружающие могилы, стали пробираться за ней. На меня напал какой-то страх. Не могу сказать, что я боялась мертвецов. Да и с привидениями у меня уже сложились вполне себе нормальные отношения. Но здесь, можно сказать, в самом сердце деревенского кладбища, мне сделалось как-то не по себе. Кресты и оградки поблескивали таинственно и жутко в неверном свете узкого серпика народившегося месяца, пробивающегося голубоватыми лучами сквозь густые кроны вековых деревьев. Лунный свет пятнами рассыпался по этому царству мертвых, не внося в душу ни покоя, ни умиротворения, только какую-то тревогу и легкий озноб.

Наконец, мы добрались до места, где скулила собачонка. Тело дяди Славы лежало между двумя безвестными могилами без оград, с покосившимися деревянными крестами, в позе эмбриона. Жучка, лизавшая ему лицо, вдруг, усевшись на задние лапы, подняла мордочку кверху и завyla протяжно и монотонно. От этого звука у меня по телу побежали холодные мураши, и, кажется, волосы встали дыбом. Я встала столбом, не в силах пошевелиться или сделать хотя бы еще один шаг, боясь увидеть то, что лежало на густой траве между могильными холмиками. Или, точнее, того, кто там ле-

жал. И тут Валентина показала свой характер, во всей своей красе. Я только диву давалась, откуда что бралось! Отодвинув меня со своего пути властной рукой, она кинулась к дяде Славе. Осветила фонарем его скорчившуюся фигуру, затем, бросив фонарь на землю, стала пытаться перевернуть его на спину. Дядя Слава, хоть и не был богатырем, но мужчиной был довольно крупным. Валька обернулась ко мне, все еще замершей наподобие одного из кладбищенских памятников, и рявкнула:

– Чего застыла?! А ну, давай, помоги мне его перевернуть!

Я, будто очнувшись от какого-то морока, кинулась к ней на помощь. Вдвоем нам удалось его положить на спину. В косом свете, падающем от лежащего на земле фонаря, мы увидели, что его лицо было все залито кровью. Валька приложила голову к его груди, а потом попыталась нащупать пульс на сонной артерии. Я такое только в кино видела. Подняв голову, она озабоченно проговорила:

– Жив, но едва-едва. Его срочно нужно в больницу. Да не в нашу, в район надо везти... Вот черт! Как нам его отсюда вытащить!? Нужно аккуратно, у нас на это сил не хватит. – Говорила она быстро, отрывисто, как командир на поле боя. Затем, нисколько не заботясь, что на ней надето новое платье, зубами вцепилась в подол, и с треском оторвала значительную полоску ткани. Приподняв бережно голову дяде Славе, принялась умело и быстро ее перебинтовывать. Покончив с этим делом, сурово проговорила. – Ты вот что,

оставайся здесь, присмотри за ним, а я в поселок, к нашему шоферу. Пускай машину сюда подгонит, да кого прихватит, чтобы помогли дядю Славу из этих кушугуров вытащить. Не забоишься одна то?

Я, сцепив зубы, чтобы не чакали друг о друга, просто кивнула головой. Валька вскочила на ноги, и понеслась обратно к ограде со всей скоростью, на которую была способна. А способна сейчас она была на многое. В своем подранном платье, с растрепанными волосами, подруга сама была похожа сейчас на призрак. Фонарь она оставила мне, сказав, что и так найдет дорогу обратно. По треску веток я могла отследить весь ее путь до ограды кладбища. Чувствовалось, что дороги она не выбирала, ломилась напрямик. Через минуту все стихло, только Жучка продолжала жалобно скулить. Я сдернула с себя кофтенку, оставшись в одной футболке, сложила ее рулоном и осторожно стала подкладывать под голову раненому. Руки тряслись, будто я, как наш школьный сторож, неделю из запоя не выходила. Дядя Слава тихонько застонал, и я моментально опять замерла сусликом, опасаясь, что причинила ему боль каким-нибудь неосторожным движением. Тихонько позвала:

– Дядь Слава... Ты меня слышишь? Потерпи, родной, Валька за машиной убежала. Она скоро, ты только потерпи, не умирай... – И добавила едва слышно, с трудом сдерживая готовые прорваться не ко времени слезы. – Ну, пожалуйста...

Не знаю, слышал меня старик, или мне просто так хотелось думать, но показалось, что ресницы на ввалившихся глазах едва дрогнули. Ободренная этим, я стала шептать ему всякие глупости. Не знаю, то ли дядю Славу хотела поддерживать, то ли звук собственного голоса меня немного успокаивал. Наверное, и то и другое вместе. Пообещав в очередной раз, что я завалю его своими фирменными пирогами, только бы он выздоровел, я поднялась на ноги, и взяв фонарь в руки стала понемногу оглядываться. Пелена страха, окутывавшая мой мозг, стала постепенно рассеиваться, возвращая рациональность мышления. Откуда он тут взялся? Не сам ведь пришел на кладбище? Или сам? А может быть тот, кто его сюда приволок все еще здесь. Я замерла на мгновение, даже, кажется, перестав дышать. Глупости! Мы бы его услышали, да и Жучка бы почуяла чужого на раз. Вопросов было много, и они, толпясь в моей бедной голове, требовали ответа. И, вместо того чтобы пугать саму себя страшилками, следовало как следует осмотреться, пока не вернулась Валентина с подмогой.

Я осветила место, на котором лежал дядя Слава. Крови было совсем мало. Я, конечно, не криминалист-профессионал, но и моих перепуганных мозгов хватило, чтобы понять, что из этого следует. А следовало то, что тюкнули его по голове точно не здесь. Иначе, крови было бы больше. А еще я заметила на траве следы волочения. Кто-то притащил его сюда и бросил здесь умирать. Вот гад!!! То, что это был один

гад, а не несколько, говорили эти самые следы. Но была в этих следах какая-то неправильность, что ли. Я посветила на них фонарем, пытаюсь понять, что же мне показалось в них такого странного. Сделала несколько шагов рядом, чтобы не затоптать, и наконец поняла. Складывалось ощущение, что дядю Славу тащили, держа под мышки. И тот, кто его тащил, пятился задом. Глубокие следы от его ботинок, хорошо виднелись во влажной траве. И приволокли его совсем недавно. Трава еще была смята, и не успела расправиться. Только вот получалось, что тащили его откуда-то ИЗ центра кладбища. Я прошла еще несколько метров по следам, пока не наткнулась на кованную ограду склепа купца Федорова. Следы шли именно оттуда! Посветив фонариком внутрь ограды, я увидела на потрескавшейся от времени надгробной мраморной плите следы крови. Они черной полосой виднелись на сером мраморе. Я совсем уже было собралась войти туда, чтобы рассмотреть все как следует, но в это время, послышался рев двигателя, и в провалах ограды мелькнул свет автомобильных фар. Я развернулась и пошла обратно к лежащему дяде Славе. Расследование может и подождать, а вот дядя Слава ждать не может.

Вскоре машина остановилась, и через провал забора замелькал свет сразу нескольких ручных фонарей. Я помотала в воздухе своим, громко прокричав:

– Сюда, сюда!!

Жучка залилась лаем, решив ценой своей жизни защи-

щать любимого хозяина от любых посягательств посторонних. Я принялась ее утешать:

– Успокойся, это свои... Твоему хозяину надо сейчас в больницу.

Собачонка опять жалобно заскулила, глядя на меня говорящими глазами. «А ты точно не обманешь, точно поможешь?» Тяжелый комок застрял у меня в горле. Я потрепала осторожно псину по лохматой голове, и прошептала с уверенностью, удивившей меня саму:

– Не волнуйся... Все будет хорошо...

Вскоре возле нас появилась Валентина в своем разодранном платье, а за нею шел шофер с медпунктовского УАЗика дядя Саша, за ним мелькала голова его шестнадцатилетнего сына Валерки, который тащил на плече носилки из брезента. Вдвоем они с отцом уложили дядю Славу на носилки, и ловко лавируя между могил, почти бегом, понесли его к машине. Мы с Валентиной едва за ними поспевали. Для скорости, и чтобы избавить собачонку от боли, я подхватила Жучку на руки. Такой «развеселой» компанией мы и загрузились в старенький УАЗик-«буханку». Дядя Саша глянул на собаку в моих руках, и проворчал, садясь за руль:

– А собаку-то куда? Оставили бы здесь...

С удивившей меня решимостью, Валентина ответила:

– Она тоже пострадавшая. Давай, газуй! Времени мало...

УАЗик летел по накатанной песчаной дороге, выхватывая фарами из темноты стену молчаливого леса. Мы с Ва-

лентиной болтались в кузове, стараясь изо всех сил придержать подвешенные носилки с дядей Славой. Я еще умудрялась держать притихшую Жучку. Так что, себя держать у нас не получалось. Поэтому, на заасфальтированную площадку около районной больницы мы с Валькой выбрались, как матросы с корабля на сушу после сильного шторма. Но это все было пустяками по сравнению со всеми переживаниями и волнениями по поводу, выживет ли дядя Слава. Валентина скрылась за дверями больницы вместе со всеми, а мы с Жучкой остались ждать их на улице.

Я ходила по двору туда и обратно, сидеть на месте не было никаких сил. Полста шагов в одну сторону, полста – в другую. И уговаривала собаку не волноваться, расписывая, какая их с дядей Славой ждет замечательная жизнь после того, как он выйдет из больницы. Выходило, что питаться они будут не только пирогами три раза в день, но еще и котлетами с борщом, запивая все это счастье компотом. Слава Богу, меня никто не слышал, а то тут же бы определили здесь, неподалеку, в соседний корпус, где лежали пациенты с нестабильной психикой.

Не могу сказать точно, сколько времени прошло, как я начала наматывать здесь круги. Может пару часов, а может и больше. Я почти уже стала выдыхаться, когда на освещенной лампочкой крыльце приемного покоя, появилась Валентина. Вид у нее был... В общем, краше в гроб кладут. Правда, ее рваное платье сейчас прикрывал белый халат, что, впрочем,

не делало ее бодрее. Я кинулась к ней с немым вопросом в глазах. Она устало опустилась на ступеньку крыльца и проговорила чуть охрипшим голосом:

– Жить будет... Но, там все серьезно. Все теперь будет зависеть от самого дяди Славы.

Глава 6

До дома мы добрались только под утро. Обе валились с ног. Кажется, только одна Жучка была все еще бодра, и даже грусть исчезла из ее глазенок. Может так на нее повлияли мои уговоры, а может быть, псина чувствовала нашу некую относительную успокоенность по поводу дяди Славы. Стоило мне спустить ее на землю, как Жучка принялась носиться по двору и таякать, возвещая всей округе, что теперь она взяла шефство над моим домом. Я предложила Валентине остаться у меня, на что она вяло кивнула головой. Поднимаясь на крыльцо, я проговорила:

– Я тебе сейчас платье подыщу какое-нибудь попримечнее, а то ты в этом выглядишь... – Я не стала продолжать свою мысль, чтобы не обижать подругу. Валька в ответ только фыркнула.

Открыв дверь из сеней в дом, мы обе встали как вкопанные. За столом сидел какой-то мужик, и наяривал оставшиеся в миске пироги. У меня мелькнула досадная мысль, что мой дом, который «моя крепость» превращается в какой-то проходной двор. И тут же вспомнила, что вчера, рванув за собачонкой, я его просто забыла запереть. На звук открываемой двери, мужик обернулся, жуя очередной пирожок. Увидев нас, он расплылся в улыбке:

– О, девчонки... Красиво живете, дом не закрываете. Что,

у нас в поселке уже наступил коммунизм? – И подмигнул нам веселым синим глазом.

От такой наглости я даже слегка оторопела. Только собралась грозно спросить, какого... он делает в моем доме, как Валька у меня за спиной слабо охнула, и расцвела весенней сиренью, забыв про свою усталость. Подвинув меня легонько плечом в сторону, заголосила радостно:

– Какие люди!!! Кольша!!! Сколько лет-то не виделись!!! – И кинулась ему в объятия.

Кирьянов (а это именно был он) сграбастал ее своими ручищами, похожими больше на кувалды, и поцеловал в щеку. По моему скромному мнению, поцелуй, отнюдь, не выглядел дружеским. Потом, слегка отстранив от своей могучей груди Валентину, оглядел ее с ног до головы и, с некоторой долей восхищения, проговорил:

– А я совсем почти забыл, какая ты красавица... – Затем его взгляд опустился до ее вынужденного «мини» с ремками драной ткани по подолу, и несколько озадаченно Николай спросил. – А это что, теперь мода такая, или вы на карнавал собрались?

Я, не сдерживаясь, фыркнула.

– Ага... И карнавал, и цирк, и страшилки – все в одном стакане. Коктейль получается – зашибись!! Вот мы и «зашиблись» уже слегка.

Николай отстранил Валентину от своей груди, и сделал несколько шагов в мою сторону.

– Полинка, тебя и не узнать вовсе. Если бы на улице где встретил, не узнал бы! Красавица, вся в отца!! – И несколько смущенно протянул мне руку, здороваясь.

Пожав его сильную ладонь, я слегка усмехнулась:

– Я тоже бы тебя не узнала.

И я говорила чистую правду. Мудрено было в этом статном, широкоплечем мужике, с мужественным лицом, словно высеченном из камня, темно-русый ежиком, по-военному остриженных волос, признать того длинношеего, похожего на гусенка, мальчишку со вздернутым конопатым носом, и совершенно золотой шевелюрой вечно лохматых волос, с которым мы с таким упоением носились по деревне. От прежнего «Кольши-разбойника», пожалуй, только нос, да веселые синие глаза остались прежними. Он вдруг опомнился, и со скорбной физиономией проговорил:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.